

Николай Галихин

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АНАЛИТИКА

Пособие для особых

Николай Галихин

**Занимательная аналитика.
Пособие для особых**

«Издательские решения»

Галихин Н.

Занимательная аналитика. Пособие для особых / Н. Галихин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609584-7

Книга представляет собой смешение жанров — автобиографического, аналитического, историко-политического и обучающего. Она обращена к читателям, которые интересуются современной геополитикой, текущей глобальной и национальной историей, а также тем, кто видит свой профессиональный путь на стезе объективного аналитика политических процессов. Иллюстрация на обложке сгенерирована приложением Кандинский 3.0

ISBN 978-5-00-609584-7

© Галихин Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, похожая на теорию. Как стать и быть аналитиком	10
I. Аналитика как образ жизни!	10
II. Аналитиками не рождаются?	14
III. Кашландия. Тренинг ума. Начало	27
IV. Отрочество аналитика	41
V. Юность мечты	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Занимательная аналитика

Пособие для особых

Николай Галихин

*Посвящается моим самым близким и дорогим людям – супруге
Наталье, дочери Анастасии и зятю Луису*

© Николай Галихин, 2023

ISBN 978-5-0060-9584-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Не верьте тому автору, кто якобы сам пишет по несколько книг в год, да ещё регулярно выдаёт кучу объёмных статей в газетах и журналах, одновременно ведёт обширные блоги в различных социальных сетях и выступает с трибун публичных мероприятий. И при этом всегда норовит удивлять свежестью мысли, широтой взгляда, правдивостью образов, глубиной анализа и прогноза, безразмерным охватом бесчисленных тем и «подтемков».

Написать самому одну книгу неимоверно трудно.

Да, сейчас появились целые пишущие «корпорации». Они-то и позволяют имеющим свободные средства людям слыть плодовитыми писателями и писательницами, затмевающими по своей литературной производительности даже славу многих классиков. Эти авторы становятся неимоверно знаменитыми, получают призы и признания массового читателя, баснословные гонорары, бомондные премии и награды. Их книги раскупаются, принося огромные доходы авторам и издательствам.

Авторство книг стало повальным увлечением не только шоуменов, но и политиков. Это раньше драматург или поэт, писатель и публицист, получившие народное признание, могли становиться президентами и главами правительств, депутатами и губернаторами.

Теперь же довольно часто мы видим обратный процесс, когда, добившись политического лидерства, тот или иной деятель выплескивает в массы якобы долго хранившийся в нём писательский, поэтический и даже композиторский талант. Поверьте, что талантливых к авторству людей в этой среде немного, хотя они и есть, я этого не отрицаю.

И что характерно, «плебистизация» современной политики породила расширяющийся тренд слияния государственной сферы с шоу-бизнесом, в том числе для манипулирования людьми и народами, субъектами геополитики и так далее.

В этих условиях, авторство книг становится брендом, в том числе и политическим, продлевая популярность и доходность политических шоу-персон, твердость режимов, незыблемость устоев и курсов. Хорошо это или плохо, – это вопрос отдельный.

Но, важно видеть, что за всем этим стоит, во многих случаях, почти рабский труд многочисленной армии писательских и аналитических «кротов» и «призраков», получающих крохи с обильных лауреатских гонораров, столов и банкетов авторов, которым они пишут.

По правде говоря, не вижу в этом ничего особо зазорного. И зависть меня не мучает, ни чёрная и ни белая. Как ни крути, это ответ на новые возможности, которые даровал людям прогресс литературного производства, сплошной доступ к информации, развитие систем мгновенного перевода, всеобщая грамотность, наконец.

Любые рукописи теперь точно не горят. Их, разве что, можно нечаянно потерять, нажав опрочметчиво не ту кнопку на клавиатуре своего компьютера.

Ну в самом деле, если всё вокруг механизмуется, автоматизируется и цифровизируется, то почему же такая сфера человеческого культурного бытия как «книгоделание», будь то различные литературные жанры, включая мемуары, или публицистику всех видов и сортов, должна оставаться в стороне?

Пока, правда, сложно механизировать такой исключительный вид литературы как поэзия. Но я читал, что так называемый искусственный интеллект уже умеет рифмовать незатейливые строки. Глядишь, пройдет несколько лет, и целые поколения молодых людей станут воспитываться на простеньких «складушках», выходящих из матриц суперкомпьютеров и могущих имитировать нечто похожее на сонеты Шекспира, японские танка, лирику Пушкина и Есенина.

И думаю, что ничего страшного от этого тоже не случится. По крайней мере, неубиваемая тяга к словесному искусству, овладевшая и продолжающая овладевать миллиардными массами

людей, вне сомнений, найдет нужную потребительскую нишу. При этом абсолютно не сомневаюсь в том, что любое индивидуальное творчество будет всегда цениться во много крат выше.

Все эти рассуждения я привожу ради одной простой мысли, что эту книгу я писал несколько лет. Она – плод моих собственных раздумий и размышлений, жизненного и профессионального опыта, с которым у меня есть потребность поделиться с читателем.

Я работал над ней с интересом, движим целью помочь всем, кому это будет интересно и нужно, пройти свой профессиональный и творческий путь, обрести на нём радость собственного труда, удовлетворение от его результатов.

Возможно, кто-то, ощущающий в себе, явно или на подсознательном уровне, аналитические способности, найдет в ней какие-то поучительные для себя моменты. Кто-то просто восполнит свой интерес по поднятым в ней вопросам и темам. Одни увидят в ней свидетельства и отражения последовательно сменившихся эпох, в которые мы жили и живём, очень интересных и фундаментальных с точки зрения исторического процесса, – и прошлого, и грядущего.

Другие обретут в книге возможность, и с юмором, и всерьёз, оценить мой собственный опыт, и вслед за этим, научиться также оптимистично относиться к своей личной и профессиональной жизни. Это тоже важные черты, выделяющие аналитика-профессионала из общей, пишущей на различные темы, братии.

По крайней мере, я считаю так. Аналитика, даже если она описывает драматические события и процессы, должна порождать надежды, и через предлагаемые оценки, идеи и выводы «включать свет» даже в самом тёмном туннеле, заставляя двигаться к этому свету дремлющие механизмы не только государственного и общественного развития.

Поэтому в ней уместна ирония и юмор, образные сравнения, отсылки к известным персонажам, приёмы «что на что похоже» и так далее.

Любая аналитика должна быть, прежде всего, **ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ АНАЛИТИКОЙ**.

Иными словами, она должна быть привлекательной для адресата, будь это простой читатель или облачённый полномочиями вельможа.

Она должна «занимать» его мыслительное пространство настолько, чтобы побуждать принять предлагаемые идеи и превращать их в текущие и стратегические действия.

Я очень прошу, чтобы вторая часть названия моей книги не воспринималась читателями как некое проявление моего авторского снобизма либо исключительности. Наоборот, для меня каждый человек – особенный и уникален по-своему, а различные формы аналитического мышления присутствуют в каждом разумном человеке. Аналитика не какая-то наука или набор умений и навыков только лишь одаренного индивидуума. В этом смысле я категорически против её приватизации властью и средствами имущими. Это всеобщее достояние, которое каждый человек использует в силу собственных потребностей и надобностей.

И поскольку я включил в название своей книги словосочетание «ПОСОБИЕ ДЛЯ ОСОБЫХ», то этим хотел лишь одного, чтобы любой потенциальный читатель, осознал свою персональную особенность и уникальность.

Мой труд состоит из двух частей.

В первой я поделюсь своим опытом становления аналитика, походами к работе по исследованию общих и особенных проблем развития, приёмами организации работы. Здесь я хотел бы особо отметить, что для меня аналитическая деятельность – образ жизни. Анализ и прогноз я практически применяю везде. Предметом моей личной аналитики являются и вопросы чисто личные, и общественные проблемы.

Аналитику вряд ли можно считать некой наукой, скорее всего, она симбиоз научных знаний о различных процессах (физических, психологических, социальных, политических, геополитических и др.) и собственного жизненного опыта, определяемого личным характером исследователя-аналитика, уровнем его образованности и культуры, амбициями, условиями воспитания, профессиональным становлением и многим другим.

Поэтому первую часть книги я лишь отчасти, и в большей степени с иронией, определил как нечто «похожее на теорию».

Но это будет последовательный рассказ о перипетиях моей собственной судьбы и профессии. Естественно, я буду повествовать о людях, которые сыграли важную роль в моей жизни, карьере государственного служащего и некоторых, глубоко уважая и будучи абсолютно уверенными в их добром отношении ко мне, назову поименно.

Что касается других, то я оставляю моим читателям, если это будет для них так важно, самим определить имена персоналий, о которых пойдёт речь, особенно, если это какие-либо государственные деятели. Ну, разве что, отойду от этого правила, как это будет во второй части этой книги, оценивая деяния политических лидеров многих стран. В этом также будет приём, побуждающий читателя включать собственные познавательные заделы.

У меня нет ни желания, ни намерений кого-либо обидеть своими оценками. Но даже в таком случае, читатель сможет увидеть «срез» описываемых эпох, их порядки и нравы, которые по большому счёту, хоть и не уникальны, но всё же обладают собственной неповторимостью.

И хочу добавить ещё об одном. В первой части я намеренно смешал реальность и вымысел, бытие и то, что осталось в сознании. Но в ней нет неправды, искажающей либо конъюнктурно подправляющей воспоминания о моей жизни в угоду каким-либо бывшим и нынешним обстоятельствам.

Вторая часть, которую я считаю практической, включила в себя почти три десятка моих собственных аналитических работ, отслеживающих процесс геополитических трансформаций, происходящих в современном мире в течение двух лет, предшествовавших пандемии коронавируса.

Я взял на себя смелость назвать эти работы «геополитическими стансами», да простят меня поэты, потому что я сам отчасти поэт! Они написаны в разные годы и последовательно публиковались на моём рабочем сайте.

К слову сказать, эти статьи с моими экспертными оценками важных событий геополитики выходили на моём рабочем сайте примерно два раза в месяц.

Их читали эксперты не только в Казахстане, но и России, Украине, Китае, США, Японии, Канаде, Великобритании, Германии, Испании, Норвегии, Индии, Малайзии, Турции и других странах.

Сейчас у читателя есть возможность увидеть и прочитать эти мои работы в комплексе, проследив текущие тенденции и тренды геополитической эволюции мира накануне глобальной пандемии коронавируса, поменявшего и меняющего много в политике и обыденной жизни. Острая фаза взаимоотношений России с Украиной и всё, что с ней связано, стремительно приблизились во многом из-за пандемических и постпандемических последствий.

С учётом изложенных в первой части книги моих подходов к производству аналитического продукта, а они универсальны для прочтения других политических или социально-экономических вопросов, «геополитические стансы» помогут читателям увидеть и понять ту практику и приёмы, которые я использовал при работе над ними.

Уместно подчеркнуть, что примерно в такой тональности и жанре были написаны большинство моих работ, адресуемых первым лицам государства в мою бытность государственным служащим.

Вполне логично, что они содержали блоки конкретных поручений госорганам и должностным лицам, с указанием сроков и ответственных за их исполнение. Это важная, неотъемлемая и обязательная часть любого аналитического труда. Кстати, итогом рассмотрения ряда моих работ, стали важные государственные и межгосударственные решения, реформы, управленческие шаги, политические и геополитические инициативы. Это предмет моей особой гордости, но не тщеславия.

В том виде, в котором мои работы предыдущих лет представлены в этой книге, эта важная оценочно-выводная часть, либо представлена в очень обобщённом виде, либо отсутствует вообще. Это сделано мною намеренно, чтобы, во-первых, дать возможность конкретному читателю самому домыслить отсутствующие выводы.

Во-вторых, в этом есть и определенный коммерческий интерес, поскольку для частного аналитика, которым я теперь являюсь, это важно с точки зрения того, чтобы вызвать заинтересованность своего потенциального заказчика. Ничего предосудительного в этом я также не вижу.

Я посвятил эту книгу моим самым близким и дорогим людям – супруге Наталье, дочери Анастасии и зятю Луису. Благодаря их поддержке и любви я смог мобилизовать себя на этот труд. Они были его первыми читателями, рецензентами, подсказывая мне своими замечаниями и оценками направления дальнейшей работы.

Я очень надеюсь, что книга окажется интересной всем читателям, решившим её прочесть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ^{похожая на теорию.}

Как стать и быть аналитиком

I. Аналитика как образ жизни!

Попытаться изложить в письменном виде «кухню» аналитической работы мне посоветовал один из моих начальников в далёкие первые годы работы в администрации президента Казахстана. В тот момент я буквально накануне был принят туда как эксперт центра анализа и стратегических исследований, ещё даже не завершив годичное обучение в Национальной высшей школе государственного управления при президенте республики.

Имея в тот момент пока достаточно поверхностное представление о том, что есть такое работа в главном политическом офисе государства, по наитию я уже приобрёл некоторый опыт написания аналитических работ разного жанра. Мои коллеги почти все были намного моложе меня, включая и того моего первого руководителя. Он, кстати, был одним из толковых начальников, выбранных мне судьбою, и сделал впоследствии успешную политическую карьеру, оставаясь при этом человеком, достаточно открытым к общению с бывшими коллегами.

Большой плюс был в том, что мы в то время не только готовили доклады по разнообразной тематике жизни молодого государства, но также имели возможность обсуждать между собой свою работу, приёмы исследований. Это делалось на регулярно проводимых внутренних семинарах, где каждый из участников выступал с небольшими сообщениями о своём опыте.

Очередь дошла и до меня.

Я подготовил свой первый небольшой доклад о том, как организую свой труд, почему работаю гораздо быстрее многих из моих молодых коллег.

Объяснил и отчего мои работы, начиная практически с самой первой, написанной в должности эксперта администрации президента, оказываются более проходимы до высоких должностных адресатов.

Тогда-то мой молодой и перспективный начальник обронил фразу, на долгие годы въевшуюся в моё сознание и много раз в последующие годы побуждавшую меня заняться изложением собственных представлений об аналитике и личном опыте такого рода исследовательской работы. Он сказал о том, что мне нужно продолжать в том же духе и, в конце концов, создать то, что может оказаться «теорией аналитики». Дескать, эти записи мы могли бы давать каждому новому сотруднику нашего аналитического центра как методическое пособие для работы. В этом, прежде всего, был его начальствующий интерес.

Так, запавшая сторонняя мысль оказалась живучей в моём сознании. Позднее, лет через десять, меня пригласили прочитать курс слушателям высшей школы политики Академии государственной службы при президенте Казахстана. Я разработал программу занятий, назвав её «Подготовка проектов выступлений политических лидеров». Она была очень хорошо воспринята будущими аналитиками и политиками, выслушана с большим интересом, и, надеюсь применяется ими в их государственной деятельности.

К сожалению, файлы, содержащие материалы по тому учебному пособию, были утрачены в ходе драматических событий в моей жизни и политической карьере. Возможно, они лежат сейчас в каком-нибудь спецархиве, или же ими пользуются те, кому они вместе со всем моим рабочим архивом оказались доступны. И, дай Бог, чтобы на благое дело!

Но, тем не менее, они остались в моей голове. И те подходы, которые преподавались мною слушателям академии, я включил в рассуждения, содержащиеся в этой книге.

Кстати, лишь сейчас, будучи освобожденным от рутины служебных обязанностей, я имею возможность располагать временем, желанием и стремлением изложить повествование о своём опыте в этой книге. Как говорится, нет худа без добра! И считать именно так мне тоже помогает мой профессиональный и личный опыт.

Когда незнакомый человек спрашивает меня о моей профессии, я не задумываюсь, отвечая: «АНАЛИТИК». И уже потом в процессе общения раскрываю подробности своей повседневной профессиональной аналитической деятельности.

Конечно же, в официальных списках и перечнях видов деятельности человека пока нет такого понятия и определения. Аналитик – это, также как и хороший человек, не профессия. Если бы было иначе, то это, наверняка, выглядело бы очень курьёзно. Представьте себе, что в штатном расписании какой-нибудь компании и государственного органа значится такая должность.

Тогда получалось бы, что аналитиком в этой структуре является только этот конкретный человек, ну или два-три и даже десять! А остальные – ни руководители, ни их заместители и начальники внутренних департаментов и структур аналитической работой как бы не занимаются. И хотя на практике нередко так и является, то хоть, по крайней мере, люди не смеются, глядя в кадровые приказы и ведомости о начислении заработной платы.

Финансовые аналитики есть, наверное, в банковских учреждениях, фондах или компаниях. Но зачастую так называют бухгалтеров или им подобных работников.

В государственных же органах, по крайней мере Казахстана, есть должности «специалистов», «экспертов», «консультантов», «советников» и «помощников». Они-то и являются главным тягловым аналитическим потенциалом того или иного учреждения, – от аппарата местного акима до администрации президента.

Далее и выше уже идут одни начальники – заведующие секторов и отделов, начальники департаментов, их заместители.

Нередко именно на этом уровне аналитический потенциал начинает выхолащиваться, поскольку объективный взгляд на курируемую сферу, связанные с ней процессы и события, затмевается многочисленными субъективными вещами.

Я, по крайней мере, был свидетелем того, как неплохие, талантливые и перспективные аналитики, проработав немного времени на изначально низших должностях, получив повышение и перейдя в разряд начальников, оказывались неспособными адекватно оценивать ситуацию, генерировать необходимые решения и т. д.

Ну что тут поделаешь: огонь, воду и, особенно, медные трубы способны пройти далеко не все. К слову сказать, я прошёл весь путь государственного аналитика, начиная от специалиста городского акимата в Караганде и даже ранее, до заместителя заведующего отделом администрации президента страны. При этом проработал ещё несколько лет на дипломатической службе – на важном направлении казахстанско-российских отношений.

И этот мой профессиональный опыт даёт основания утверждать, что любая деятельность, связанная с управлением, будь то небольшим коллективом, компанией, отраслью, сферой или государством, это, прежде всего, большая и скрупулезная аналитическая работа.

Так что же такое аналитика?

Сам этот термин известен с незапамятных времен, его ввёл в оборот ещё в IV веке до нашей эры Аристотель, назвав так своё учение о формальной логике. Собственно логику называли логикой гораздо позднее, спустя почти 700 лет. В древнегреческой философии она изначально была «аналитикой», и Аристотель две свои самые важные работы так и назвал: «Первая аналитика» и «Вторая аналитика».

Аналитика – это искусство анализа, как во всяком случае сказано во всезнающей Википедии.

И тут самое важное для читателя и, конечно же, самого аналитика, акцентироваться на слове «искусство», поскольку любое искусство подразумевает, прежде всего, творчество.

Иметь аналитический дар, это означает, во-первых, суметь увидеть предмет или процесс объёмно, во времени и пространстве, с его внутренними особенностями и уникальностями.

Во-вторых, быть способным рассмотреть в исследуемой вещи её внутренние составляющие, взаимодействующие между собой, определить ведущие и ведомые субстанции. В-третьих, найти важные взаимосвязи предмета или процесса с другими предметами и процессами, предвидеть возможную динамику такого взаимодействия, включая и риски.

Через 22 века после написания трактатов Аристотеля великий немецкий философ Иммануил Кант назвал аналитикой «разложение человеческой познавательной способности». Он вёл речь о том, что разумный человек обладает способностью не просто отражать в своём сознании индивидуальное представление о каком-либо внешнем предмете или явлении. Любой индивидуум видит внешний мир не плоским, а объёмным и многогранным, раскладывая окружающие вещи на отдельные, составляющие их, элементы. А затем, собирая их в стройные системы собственных рассуждений и познаний, определяет коэффициент их полезности, возможность использования в собственной жизни, конечно же, на личное благо.

В конце концов, человек определяет и принимает решения относительно своего отношения к тому или иному предмету или явлению, выделяя главные аспекты и моменты. Он, так или иначе, реагирует на возможные риски и вызовы, которые по его собственным умозаключениям, несут его жизни разложенная на частицы вещь либо её отдельные элементы.

Таким образом, аналитическая способность – врожденная категория, дарованная человеку как высоко разумному существу.

Причём, каждому человеку, а не избранным единицам.

Другое дело, что в силу разных личностных факторов (уровня образованности и культуры, наличия знаний и навыков, способности к мыслительным операциям, возраста, жизненного и профессионального опыта) та или иная персона может верно или неверно разложить собственные познания. Поэтому, вероятно, один аналитик может увидеть в рассматриваемой вещи нечто особенное, второй – что-нибудь да не досмотрит, а иной – не увидит ничего вообще.

В силу этого обстоятельства, аналитика – не какая-нибудь отдельная отрасль научного познания. Она – обязательный компонент любой познавательной и исследовательской деятельности, любой науки, любого жизненного процесса.

Аналитика – это образ жизни человека, вне зависимости от того, где и как он живёт, кем он является или работает. Профессионала-аналитика отличает от аналитика – обычного человека, возможно, только умение изложить свои размышления на бумаге в форме документа или творческого проекта (статьи, письма, плана, программы, стратегии, закона и т.д.). И этому, вне сомнений, можно научиться.

Аналитиком, тем более профессиональным, быть нелегко. Это нужно понимать и принимать все возможные психологические издержки от постоянного анализа практически любого жизненного шага.

Ещё один мой друг, большой и важный начальник как-то говорил, что если твой аналитический день составляет 12 часов в сутки, то ты уже близок к тому, чтобы стать профессионалом. Он, вне сомнений, имел в виду нечто иное: мол, находиться на рабочем месте 12 часов в день – это вполне нормально для аналитического работника. Этим он, признаться, вполне умно оправдывал практику ничем ненормированного рабочего дня своих подчинённых, из которых выкачивались всё новые и новые идеи, удивляющие тех, кто был рангом повыше.

Конечно же, 12 часов в день находиться в закрытом помещении, это нонсенс.

Писать тексты половину суток без передыха, это практически и физически невозможно. Я понимаю, когда речь идет о чём-то серьёзном, и требуется максимальная концентрация усилий аналитиков, такой рабочий график может быть вполне допустим. Но такая работа испепеляет разум, выжимает все соки и, безусловно, требует длительного восстановления, как чисто физического, так и психологического.

Три или четыре дня такой напряженной работы требуют, по крайней мере, столько же дней профессиональной рекреации.

В противном случае, в среде аналитиков нередки случаи алкоголизма, тяжелых психических расстройств, семейных драм, запущенных детей и многих иных пороков.

Но всё же, 12 часов аналитики – это мало. Потому что профессионал анализирует окружающий его мир практически круглосуточно и даже, поверьте мне, во сне.

И без полного погружения своего сознания, как это принято называть в среде аналитиков, «в тему», качественного материала не получится. Более того, аналитика порою превращается в житейскую привычку, отчасти такую же «вредную», как курение табака или другие. И она настолько оказывается навязчивой, что даже простой процесс, например, пойти в магазин за продуктами, превращается в предмет предварительного исследования, прогнозирования, учёта твоего потенциала, возможных угроз, могущих возникнуть на пути, мыслительной «обкрутки» всех возможных сценариев и последствий.

И, возможно, в тот момент, когда ты осознаёшь, что поступаешь даже в рядовой бытовой ситуации именно так, наверное, и можно считать себя аналитиком-профессионалом. И это независимо от того, где и как ты прилагаешь эти свои, въевшиеся в сознание и физическую механику твоего тела, навыки.

И хотя, всё это очень индивидуально, аналитика, без сомнений часть нашей жизни, её фундаментальный образ.

Она представляет собой именно ту важную скрепу, которая держит и помогает развивать весь каркас ценностей и поведения не только одной конкретной разумной личности, но также каждого общества, конкретной страны, отдельного региона и мира в целом, как живых систем и мыслящих организмов.

В таком случае в политике фигура аналитика-профессионала становится весьма важной субъективной данностью, которому предопределено быть инстанцией, раскрывающей особенности развития, вырабатывающей и проводящей решения каждодневного, тактического и стратегического плана.

II. Аналитиками не рождаются?

Вне сомнения, с аналитическими способностями рождаются все люди, но только их небольшое, и даже мизерное, число становятся аналитиками-профессионалами. Лишь десятки обретают известность, достигая невероятной точности своих оценок, верности формата исследования, практической востребованности своих работ, красоты и привлекательности их изложения в письменном виде. Почему происходит именно так, односложно ответить нельзя.

Конечно же, здесь многое будет зависеть от тех обстоятельств, которые окружали жизнь конкретного человека с самого его рождения, уровня полученного образования и практического опыта, его личностной предрасположенности к такой уникальной и сложной работе.

В этом плане я не хочу навязывать читателю свою точку зрения, перечислять кажущиеся мне объективными факторы, влияющие на становление аналитически мыслящего профессионала. У каждого, конечно же, свой путь и свой набор обстоятельств, причин, поводов и следствий. Я лишь расскажу в общих чертах о своём пути и опыте, предоставив читателям возможность его оценить, принять или отвергнуть.

Возможно, большое значение для становления аналитика-профессионала играет социосфера, в которой он появился на свет, рос и воспитывался, становился личностью.

Мне посчастливилось родиться в самом центре Казахстана – молодом, благословенном и неповторимом городе Караганде.

И нет, пожалуй, другого города в современной Казахской степи, который был бы также широко известен у людей на всем пространстве бывшего Советского Союза, а также в дальнем зарубежье, особенно после повального расселения по всему миру земляков-карагандинцев и выходцев из СССР.

Караганда – это молодой город, построенный практически с нуля на богатых и бесценных залежах каменного угля в недрах степной и мелкосопочной Сары-Арки. Караганда, став, собственно, городом в 1934 году, тут же обрела славу «третьей всесоюзной кочегарки» (после украинского Донбасса и сибирского Кузбасса).

В 60-е годы XX века близ города была построена «Казахстанская магнитка» – Карагандинский металлургический комбинат, промышленный гигант всего СССР, а не только Казахстана. Здесь также были возведены крупнейшие машиностроительные заводы, предприятия химической и лёгкой промышленности. Главная газета области так и называется до сих пор – «Индустриальная Караганда».

Город очень стремительно строился, а население Карагандинской агломерации (областного центра и ряда прилегающих к нему городов-спутников – Темиртау, Абая, Шахтинска, Сарани и посёлков составила к концу 80-х годов более 1 миллиона человек). Наличие работы, хорошие заработки привлекали сюда людей практически со всего Союза.

Мои родители – мама Лидия Павловна и отец Николай Васильевич, вместе с моими старшими сёстрами Верой и Ниной оказались здесь в самом начале 60-х годов, попутешествовав перед этим по городам Урала. Отец, кстати, был строителем Белоярской АЭС – первой атомной электростанции СССР и рассказывал, например, как эту стройку в 1959 году посещал, будучи вице-президентом, Ричард Никсон, ставший в последствие 37-ым президентом США.

В Караганду мои родители переехали вместе с моей бабушкой Анастасией Никоновой и дедом Василием Филипповичем, а также семьёй старшей сестры отца, моей Крестной Клавдии Васильевны.

На все три семьи они купили один дом с земельным участком в новом посёлке Караганды, располагавшемся к юго-востоку от городского железнодорожного вокзала и носившем пролетарское название «Кирзавод, 1—2».

Несколько зарисовок об этом посёлке.

Мои родители, 1952 год

Своё название он получил от кирпичного завода, который располагался на краю небольшого карьера, где добывали глину. Потом карьер засыпали и на этом месте сейчас находится новый центральный рынок Караганды. Из обожжённого кирпича строилась в 50-60-е годы новая Караганда с её ровными проспектами и улицами, скверами и парками.

Посёлок «Кирзавод, 1—2» состоял из длинных прямых улиц, строго перпендикулярных друг другу, носивших удивительные названия.

Я, например, родился на улице Тургенева. Параллельно ей по обе стороны шли улицы Чехова и Мусы Джалиля.

Была улица академика Вавилова, итальянского романтика-революционера Джузеппе Гарибальди. Некоторые улицы отражали названия ремёсел – Гончарная, Кирпичная, Керамическая, Стекольная, Кондитерская. Другие носили географические наименования – Четская, Балхашская, Букпинская, Волгоградская, Самаркандская, Ярославская, Кустанайская, Рижская, Черкасская, Керченская, Волочаевская. Были улицы Альпинистов, Луговая и Природная, переулок Хоровой и Оршанский. Вот в такой эстетике урбанистических названий того времени я родился, провёл своё детство и юность.

Кирзаводские улицы были застроены так называемыми финскими домиками с мансардами, двухквартирными одноэтажными домами. Они все были в собственности государства, их отдавали для проживания рабочим и служащим. Были и частные домики. Каждое жилое строение имело приусадебный участок, где люди разводили огороды и сады. Вдоль улиц были посажены стройные ряды деревьев, а на некоторых имелось и уличное освещение. Возле ворот практически каждого дома были лавочки, где днём сидели старики, а вечером собирались подростки и молодёжь.

В нашем посёлке были три школы, детские сады, дом культуры с библиотекой и кинозалом, столовые, магазины, баня, ателье, здания управлений строительных и дорожных трестов, поликлиники и станция скорой помощи.

Взрослое население работало на близлежащих заводах горношахтного оборудования, оптовых базах, деревообрабатывающем и строительном комбинатах, в различных учреждениях, на элеваторе, кондитерской фабрике и гормолзаводе.

Население «Кирзавода 1—2» было очень интернациональным. Так, нашими соседями по участку на улице Тургеневой были украинцы, поляки, русские.

На противоположной стороне жили несколько немецких семей, высланных ещё в годы Великой Отечественной войны из автономной республики немцев Поволжья.

Вообще, немцев на Кирзаводе жило очень много. Моей первой учительницей начальных классов была Эрна Андреевна Руф, любимым учителем истории – Эрна Францевна Келлер, черчения и физики – Иван Вендилинович Марквардт, труда – Франц Георгиевич Окс и другие. В моём классе средней школы №87 примерно треть одноклассников были дети из немецких семей. Уехав в 80—90 годы в Германию, многие из них по-прежнему остаются мне друзьями, мы общаемся и переписываемся.

Когда мои родители купили собственный дом по улице Четской, ведущей к трассе из Караганды на юг к районному центру Четск (Шетск, ныне – Аксу-Аюлы), то нашими соседями с правой стороны стала казахская семья дяди Амана и тети Шуры – Шамсии Касымшиновых. Хотел бы отметить, что на Кирзаводе жили лишь несколько семей казахов. И мне, я считаю, очень повезло познавать в быту, через этих моих самых близких соседей обычаи, нравы и язык казахского народа, становиться не только по рождению, но и своему принципиальному выбору – настоящим казахстанцем.

Не сомневаюсь в том, что, позволив мне родиться в такой невероятно разнообразной среде, судьба так или иначе подталкивала меня на мой самый главный путь. Это был путь аналитика-профессионала, особенно интересующегося тем, что происходит в мире.

Своим долгом считаю воздать почести моим родителям и самым близким родным. Они дали мне жизнь, направили её в то русло, по которому я иду все свои трудные годы.

Семья моей мамы жила в Нижегородской (Горьковской), отца – в Пензенской области России, то есть почти в тысячу километрах друг от друга. Но судьба их свела вместе. Мои старшие сёстры – Вера и Нина родились на Нижегородчине, я – в Казахстане.

Мама говорила на «обающем», отец – на «акающем» диалектах русского языка. Наверное, от этого, мы, их дети, немного говорим нараспев. Когда я первый раз беседую с каким-либо незнакомым мне человеком, многие собеседники отмечают эту деталь моего говора. Они даже считают меня, чаще всего, москвичом или выходцем из средней полосы России. Я говорю им, что я – коренной казахстанец.

Оба моих родителя – самые младшие, пятые выжившие дети в своих семьях. Деда и бабушку с материнской стороны я не знал, они умерли ещё до моего рождения. Дед Павел стал вдовцом, когда моей маме было всего три года. Он воспитал всех своих детей, вывел их в большую жизнь, оплакал одного из сыновей, погибшего на войне. Дедушка Павел скончался в 1960 году.

Моих будущих деда и бабушку по отцовской линии – Василия и Настю, родившихся ещё в середине 90-х годов XIX века, поженили совсем юными, лет в пятнадцать. Деда призвали в армию.

Высокий и статный парень, хоть и крестьянских корней, обладал какой-то удивительной аристократичной харизмой. Поэтому он попал служить в Преображенский полк в столицу Российской империи Петербург.

Семейной реликвией у нас является его фотокарточка, датируемая 1909 годом, где он запечатлён вместе с неведомым нам своим сослуживцем в полном парадном обмундировании преображенца.

Этим фактом мы, его дети, внуки и правнуки, очень гордимся. Показываем это фото гостям.

Кстати, никогда не думал, что этот факт, почти 110 лет спустя, могут использовать против меня. Один коварный человек привёл его в своей кляузе обо мне, сопроводив свои измышления выводом, что дед мой служил в «царской охранке». Признаться честно, другие домыслы не так уж и сильно расстроили меня своей откровенной неправдой. Но вот задеть память деда, это уже был перебор.

Хотя я давно простил этого клязника за всю его остальную ложь, чёрная зависть к моему предку, идущая от человека, называвшего себя даже моим другом, остаётся горьким осадком в душе. Но, как говорится, Бог простит!

Когда началась первая мировая война, преображенцы тоже ушли на фронт. Василий оказался в германском плену и вернулся домой, к своей, ждавшей его верной Анастасии, только в 1919 году.

Возможно, поэтому стихия русских революций и гражданской войны не коснулась прямо их молодой семьи. В период советского нэпа дед арендовал мельницу, молот и продавал муку. В семье родились дети, в том числе и мой отец. Рядом со старым домом был построен новый большой дом, став предметом зависти многих односельчан.

Поэтому в 1929 году, когда началось повальное раскулачивание, красное колесо сталинских репрессий очень жёстко прошлось по семье моего отца. Василий Филиппович был арестован и осуждён как «кулак-эксплуататор». Бабушка оказалась выброшенной с пятью детьми на улицу. Их имущество было конфисковано, а в новом доме разместилась изба-читальня, родник «культурной революции» в селе Чибирлей Пензенской губернии.

В 90-е годы, занимаясь политической реабилитацией моей отца (об этом чуть ниже) я получил по своему запросу в областное управление Федеральной службы безопасности России по Пензенской области справку о собственности моего деда на момент его осуждения.

В ней значилось, что осуждённый «эксплуататор трудового народа» в 1927 году арендовал мельницу, имел 2 дома, 2 лошади, 2 жеребёнка, 2 коровы, 3 овцы. Таким было всё имущество «врага государства».

По зловещей статье 58 советского уголовного кодекса, Василий Филиппович был осуждён особой тройкой ОГПУ к 3 годам заключения в концлагерь и этапирован на печально известный «островок Гулага» – Соловецкий монастырь Архангельской области.

Затем он работал на советской «стройке века», прокладывал с другими такими же политическими заключёнными Беломорско-Балтийский канал.

В 1932 году дед вернулся к семье, но уже через пять лет новая волна репрессий снова поглотила его. На этот раз, опять по той же статье 58, он был осуждён «тройкой УНКВД» на 8 лет заключения в лагерь, да ещё без права переписки. Бабушка моя Анастасия вновь оказалась одна с пятью подрастающими детьми. Четверых она сохранила и вывела во взрослую жизнь. Не смогла лишь уберечь от нелепой смерти одного сына-подростка Александра, нечаянно проткнувшего себе живот при катании зимой на лыжах.

Ещё один брат моего отца – Иван погиб на фронте. Он пропал без вести в первые годы Великой Отечественной войны, на которую ушёл добровольцем. Другой брат Владимир вернулся с войны, его дети, внуки и правнуки живут на Урале.

У мамы моей, тоже погиб на войне один брат – Владимир, двое других – Александр и Пётр, а также старшая сестра Мария воевали с нацизмом и вернулись с фронтов живыми.

Мой отец Николай практически не знал своего отца. Первый раз дед попал в концлагерь, когда отцу моему было всего 2 года, второй раз – родителю моему было только 10 лет отроду. Кстати, я помню, как мой отец обращался к своему по-детски, ласково называя его «папáнька».

В 1944 году отец мой Николай, по характеру немного хулиганистый, сбежал на фронт, будучи ещё 17-летним подростком.

Он скрыл свой настоящий возраст, сославшись на потерю метрики о рождении. Свой фронтовой путь отец прошёл от Одессы до румынского Бухареста. И там, по его рассказам, был арестован за какую-то воинскую провинность.

При расследовании этого дела выяснилось, что, оказывается, родитель провинившегося 18-летнего солдата – «враг народа». И дело превратилось сразу же в политическое, его передали в СМЕРШ (военный орган контрразведки).

Теперь уже мой отец был осуждён на пять лет тюремного заключения, и первые годы сидел в тюрьме в Одессе. Затем он был сослан на поселение в другой островок Гулага – Карлаг, находившийся в Казахстане. Отец работал и жил в посёлке Сарепта Карагандинской области, что в последствие оказало влияние на решение моей семьи переехать в Казахстан.

Интересно, что в этом же посёлке, расположенном на реке Нуре, в последствие был пионерский лагерь. Кажется, в июле 1974 году родители отправили меня туда отдыхать. Когда приехали меня навестить, отец случайно встретил там своего друга – солагерника. Тот остался там жить, завёл семью, работал. Помню, какой радостной была эта встреча людей, вместе деливших кров и тяготы лагерной жизни. Только узнал я об этом уже позднее, будучи намного старше.

Вообще, факт тюремного прошлого моего деда и отца не было принято обсуждать в нашей семье. Поэтому сознание моё собирало эти факты по крупицам, дозированно и порою даже случайно.

Отец Николай был амнистирован в 1950 году и с правовой точки зрения судимости не имел. Дед Василий был полностью реабилитирован в 1966 году по всем фактам осуждения. Причём в постановлении Пензенского областного суда значится, что в обоих эпизодах состава преступления не было.

Политической реабилитацией отца занимался я лично, по его просьбе. В результате почти четырёх лет переписки с российскими компетентными органами, сбора архивных справок и доказательств, в 1996 году Пензенский областной суд Российской Федерации признал факт незаконной конфискации имущества моего деда, ставшего жертвой политических репрессий.

В 1997 году областная Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий признала таковым и моего отца.

Ему была выплачена компенсация, установленная законодательством Российской Федерации, в том числе и для граждан всех бывших союзных республик, в размере 8 350 000 рублей, что по курсу того года составило около 1400 долларов.

Деньги благополучно пришли по почте, когда мы все, включая отца (мама к тому времени уже несколько лет как умерла), собирались переезжать из Караганды в новую казахстанскую столицу Астану. На них мы купили телевизор, кухонный гарнитур и свою первую импортную стиральную машину, составившие интерьер нашей новой квартиры, полученной при моём переезде из Алматы, где я уже начал работать в администрации президента.

Конечно же, в этом случае размер компенсации значения ни для отца, ни для нашей семьи не имел. Гораздо более значимым был факт восстановления справедливости, веру в которую мой дед и отец достойно несли по всей своей жизни, будучи жертвами ложных оговоров завистников, преследования со стороны сталинского политического режима.

Этот урок моих предков я усвоил хорошо и верил, что жизненные коллизии всегда выведут на чистую воду всех недоброжелателей. Истинный, а не придуманный пример этого у меня

был и есть в сложных, но всё же светлых образах членов моей семьи. И в этих своих вере и надежде я оказался прав.

Символично, что ровно день в день, через 5 лет после моего ареста, ряд лиц, инспирировавших мой арест и осуждение в январе 2017 года, сами были заключены под стражу по обвинению в измене государству, попытке насильственного захвата власти в Казахстане и превышении служебных полномочий.

Размышляя о влиянии этих жизненных семейных обстоятельств на моё воспитание и личностное становление, я прихожу к выводу о том, что они имели большое значение.

Дед мой и отец были с прямым характером, всегда предпочитали говорить в лоб правду. Это, естественно не всем нравилось.

Бабушка, например, иногда ворчливо упрекала деда в том, что «его посадили за длинный язык». Примерно то же говорила моя мама отцу, когда у неё иссякали все возможные аргументы в их спорах о чём-либо житейском.

С дедом Василием, 1967 год.

Но и дед, и отец всегда смотрели на вещи глубоко и широко, в их сознании они отражались иначе, чем у большинства окружающих. Вот кто-то и увидел в рассуждениях деда признаки антисоветской пропаганды и агитации. Хотя никогда антисоветчиком или очернителем социалистической, нашей прошлой, действительности он не был.

И дед, и отец читали газеты и журналы, ежедневно смотрели и слушали новости, отмечали все советские и религиозные праздники, разговаривали и спорили о политике, проявляя при этом некоторую, вопреки своему происхождению, интеллигентную критичность по отношению к власти. Возможно, эти черты мне посчастливилось унаследовать от них, особенно в части более пронзительного взгляда на вещи и процессы.

Но это наследство, вне сомнения, было уравновешено в моей личности даром, переданным мне мамой и бабушкой. А именно, терпением и выдержкой, неприемлемостью категоричности в суждениях, неким балансом умения принимать чужое мнение, не отказываясь при этом от своего собственного.

С бабушкой Анастасией связаны и мои первые познания о религии. Моё крещение и первое причастие, прошедшие в уникальной Михайловской церкви города Караганды, основанной впоследствии объявленным поместным святым казахстанского православия, многострадальным отцом Севастианом, прошло при её непосредственном участии.

Абсолютно не навязывая мне христианских представлений, не заставляя молиться и кланяться, именно бабушка привила мне уважение к религии как таковой, причём не только своей, православной, но и других, а также научила основам веры в Бога.

Дед Василий и бабушка Настя свою платиновую свадьбу отметили в конце 70-х годов прошлого века. Они ушли из мира живых практически вместе – в октябре 1981 года, сначала бабушка, а через две недели – дед.

И это очень символично, особенно в том, что несмотря на многие годы разлуки, которая была уготована им не всегда справедливой жизнью, они сохранили верность друг другу. И сейчас они также верно и смиренно лежат рядом друг с другом на новом Михайловском кладбище в Караганде в тени разросшейся черёмухи. Светлая им память!

Мама Лидия и отец Николай встретились в рабочей столовой, где будущая невеста работала поваром, практически с десяти лет, а будущий жених, загадочный, только что вернувшийся из мест заключения 25-летний красавец с золотыми зубами, зашёл туда пообедать. Заведующая столовой, моя родная тётка и будущая Крестная, Клавдия уговорила своих родителей заслать сватов к деду Павлу. Так мои родители поженились.

Кстати, золотые коронки, заменившие моему отцу почти полностью утраченную из-за фронтового осколочного ранения левую сторону верхней челюсти, неожиданно исчезли. Их пришлось снять, когда оставшийся осколок воспалился, и потребовалась операция по его удалению. Мама рассказывала, что эта отцовская драгоценность была надёжно спрятана ею в платяном шкафу.

Таковыми были в то время семейные сейфы, хранившие документы, отложенные на чёрный день деньги, серёжки и кольца. Кто их оттуда взял и зачем, так и осталось тайной. Отец же вставил себе обычные металлические зубы, так и прослужившие ему до самой его кончины.

Оба моих родителя были малограмотными людьми. Мама окончила только три класса начальной школы, умела читать и писать. Вслух она читала почти по слогам, а когда писала письма, то не делала в них ни красных строчек, ни заглавных букв. Её удивительно тёплые и регулярные письма ко мне во время моей службы в армии не содержат никаких знаков препинания.

Но они проникнуты её искренней житейской мудростью и очень точным выбором слов и образных словосочетаний, отражающих её глубокие материнские чувства.

Мама любила писать письма – своим сёстрам и брату, дочерям и мне. Мне особенно нравилось, когда она писала своё очередное послание после тяжёлого рабочего дня, простояв у плиты своей столовой или после домашних хлопот, и вдруг начинала дремать буквально на половине мысли. Рука её механически продолжала писать, строчка уходила вкось, спускалась вниз к краю тетрадного листа, либо наезжала на верхнюю предыдущую строчку.

Потом она вдруг просыпалась и, прочитав написанное, продолжала излагать прерванную дремотой жизненную тему. Такие её письма получал и я, и это было особенно мило, поскольку так я ближе и теплее воспринимал мамины мысли и советы, рассказы и впечатления.

Папе удалось закончить 7 классов, ну а потом был его побег на войну, тюрьма и лагерь, женитьба, дети, нескончаемая работа. Но он читал, смотрел передачи, слушал радио. Он часто любил рассказывать новости, давая их в своей житейской интерпретации. И хотя почти все

из них я уже обычно знал, всегда слушал его внимательно, иногда удивлялся и высказывал свои оценки.

Удивительно, но с таким уровнем собственных знаний, мои родители сумели создать в семье буквально культ образования, делали всё возможное, чтобы мы, – две мои сестры и я, – учились. Они не сидели с нами за уроками, не контролировали сделанные домашние задания.

Кстати, так поступали практически во всех рабочих семьях той поры. Поэтому мои сверстники в большинстве учились сами, рано поняв, насколько тяжела жизнь и судьба наших родителей.

Обычным делом был мой самоотчёт о своих оценках перед мамой. Я всегда радостно сообщал, что получил пятерки по таким-то предметам, и она хвалила меня. О четвёрках я уже говорил с некоторой неловкостью, зная, что она непременно скажет: «Ну вот, на четвёрочки скатился!».

Причём даже и не ругала, а просто говорила с такой грустной улыбкой, что мне уже было очень стыдно.

От мамы я получил и урок об истории не только моей семьи, но и нашей большой Советской страны. В середине 70-х годов СССР готовился отмечать очередной юбилей Великого Октября. Для школьников был организован конкурс сочинений «Наша биография».

В работе надо было рассказать о том, как революция и Советская власть преобразили жизнь людей на одной шестой части планеты.

Моё сочинение было признано лучшим в Советском районе города и его отправили на следующий, городской уровень. Классный руководитель, одновременно, учительница русского языка и литературы Валентина Марковна Коробко зачитала его на родительском собрании в присутствии моей мамы, которая была очень горда этим моим достижением.

В сочинении я придумал, что мои дед и бабушка были первопроходцами коллективизации, первыми колхозниками, что они противостояли проидам классовых врагов – кулаков. Сочинил, что кулаки отомстили колхозникам, подожгли их дома и ферму, а в пожаре погибла маленькая сестра моего отца. Но колхозники не сдавались, они продолжали строить своё колхозное счастье вопреки всем проидам ненавидящих их врагов. Этот драматический сюжет был обобщён мною словами, которыми я запомнил на всю мою жизнь: «Вот она, живая биография, живая история нашей страны!»

Когда мама пришла с собрания, то сразу позвала меня на кухню и, посадив напротив себя за стол, сказала, что очень рада моему успеху. Но тут же добавила: «Сынок, только всё было совсем по-другому». Далее она рассказала реальную историю всей нашей семьи.

Правда открылась мне, но совсем меня не шокировала. От многих друзей и сверстников я уже знал их похожие семейные истории. Чьих-то предков выслали из Поволжья и Украины, Прибалтики и Беларуси. Кто-то оказался вдали от родных мест из-за голода и лишений в поисках лучшей доли.

Так я впервые, наверное, столкнулся с раздвоением советской пропаганды и действительности. Но пропаганда в то время была сильнее, а правда замалчивалась не то, чтобы только на государственном, но даже семейном и частном уровнях.

Моё сочинение, победившее в юбилейном конкурсе в нашем районе, было обойдено в рейтингах работ на уровне города. И я был этому даже рад, потому что мне не пришлось бы краснеть за этот мой детский вымысел, оказавшийся нечаянной ложью. Наверное, с тех пор в своих работах я стараюсь писать правду или, по крайней мере, только о том, во что искренне верю.

Родители побуждали нас учиться, и все мы, мои сёстры и я, получили хорошее образование. Старшая сестра Вера окончила исторический факультет Калининского государственного университета. Кстати, во всей нашей большой семье, включая двоюродных, троюродных сестёр и братьев, она стала первой, получившей высшее образование.

Вера на 10 лет старше меня и сыграла важную роль в выборе моего образования и профессионального пути. Кстати, она привила мне любовь к книгам, не просто художественной литературе, а специальной и научной. Каждый год, приезжая домой на каникулы она привозила с собой свои отработанные учебники и сборники.

Лет с двенадцати я уже читал вузовские академические издания по истории, статьи научных конференций.

Через Веру я ознакомился с «самиздатом», подпольно издаваемыми, вручную под копирку, книгами фактически запрещённых в СССР авторов. В таком виде, например, я впервые прочитал булгаковский роман «Мастер и Маргарита». Лет в тринадцать моим настольным фолиантом было трёхтомное издание «Борьба идей в современном мире», коллективная монография Института философии Академии наук СССР.

Из неё я впервые узнал о Збигневе Бжезинском и его пророчествах грядущего распада Югославии и СССР, учении Мао Цзэдуна, концепции «общества всеобщего потребления», «пражской весне» в Чехословакии и прочих событиях и идеях, так или иначе противостоящих тогдашней советской идеологии. Шедевром для меня стала публицистическая документальная книга «На скоростной дороге не останавливаются», написанная журналистом В. Большаковым о первом лейбористском правительстве Австралии.

Такое чтение постепенно предопределило мой окончательный выбор – после окончания школы учиться профессии историка, журналиста или дипломата.

Вера, кстати, убедила моих родителей обучить меня второму иностранному языку, причём английскому. В школе я изучал французский язык. Учил его с интересом, познал азы. Много лет спустя, обучаясь уже в свои 33 года в Национальной Школе государственного управления при президенте Казахстана, созданной и организованной по соглашению с Францией, я снова целый год учил этот язык.

Очень удивился, что, не используя его столько лет, я много знаю и понимаю по-французски. В рейтинге слушателей НВШГУ по французскому языку я, кстати, был первым.

Мама нашла мне репетитора по английскому языку в школе-интернате, где она сама работала поваром. И я трижды в неделю ездил на частные уроки. Английскому языку меня учили Люция Эдгардовна и её мама – Отилия Ивановна, этнические англичанки, дочь и супруга одного из деятелей Компартии Англии, работавшего в Коминтерне и осуждённого в эпоху сталинских репрессий.

Они были высланы из Москвы в Караганду, скорее всего, после отсидки в «Акмолинском лагере жён изменников родины» – АЛЖИРе.

Они рассказывали мне о своей жизни в Индии и Москве, учили меня классическому английскому языку. Наверное, поэтому я с трудом воспринимаю американский английский, сейчас повсеместно распространённый.

Отилия Ивановна, которой в то время было уже около 90 лет, свободно владела также французским, немецким, итальянским и русским языками. Итогами их трёхлетнего репетиторства стала положительная оценка, полученная мною на вступительных экзаменах на истфак Московского университета имени М. В. Ломоносова в 1980 году.

С сестрой Верой на выставке Экспо-2017, Астана

Образовательный опыт старшей сестры Веры направил меня, в конце концов на исторический факультет, тем более что благодаря ей я практически был готов к поступлению.

Окончательную точку в своём выборе я поставил ещё до окончания средней школы, погостив у Веры в Калининне (ныне – город Тверь), окунувшись в атмосферу студенческого общежития, где она проживала, побывав на лекциях вместе с ней.

Закончив университет, Вера работала в Калининской области учителем районной средней школы. Затем она вышла замуж за москвича Сергея, родила двоих детей Ксению и Олега и с тех пор живёт в Москве.

Средняя сестра – Нина, а они с Верой были погодками, соответственно, на 9 и 10 лет старше меня, оказала на меня влияние другого порядка. Она была более строга ко мне, всегда, что называется, мудро «учила жизни».

В этом она заменила мне недостающих братьев: учила бегать и прыгать, перелезать через заборы, плавать. В детстве я порою именно от Нины получал подзатыльники, чего, кстати, почти не делали со мною мои папа и мама.

Нина вышла замуж сравнительно рано, родила четверых детей, мою племянницу Светлану и трёх племянников – Сергея и чудо-двойню – прекрасных мальчишек Матвея и Владимира. Её семья несколько лет жила вместе с нами, и я с огромным удовольствием и любовью возился с детьми Нины: водил их в детский сад, забирал оттуда, играл с ними, делал уроки.

И это был мой первый педагогический опыт, полученный не по каким-то учебникам, а практикой самой жизни.

Когда у Нины уже было двое детей, она решила получить специальное образование, поступила и училась в Карагандинском медицинском техникуме. Мама и все мы, по возможности, помогали ей в этом, взяв на себя часть заботы о её детях. Она стала медицинской сестрой, получив аттестат с отличием.

Нина, наверное, унаследовала генетику к переездам, которых в жизни моих родителей до приезда в Казахстан было множество. В конце концов, её семья уехала в конце 80-х годов в Калининскую (Тверскую) область России, откликнувшись на зов специальной государственной программы подъёма Нечерноземья. Там им дали жильё, землю, работу.

С сестрой Ниной, Москва, 2006 год.

Эти места – северный регион Тверской области с несказанно красивой русской природой. Там выросли Нинины дети, родилась её внучка. Своим трудом они не подняли заброшенную при Советской власти и, упавшую ещё ниже в первые постсоветские годы, эту российскую глубинку. Однако так все мои ближайшие родственники оказались в ближнем зарубежье, а я – в независимом Казахстане.

Подробно рассказываю о своих сёстрах ещё вот почему.

Когда мне было лет пять или шесть, не помню, кто именно это был, меня спросили о том, кто и кем будет в нашей семье. Мне сейчас трудно говорить, почему я ответил именно так, но смысл этого моего прогноза оказался таким.

Я предрёк, что старшая сестра Вера станет «заслуженной учительницей». Интересно, что сейчас она, проработавшая учителем истории более 40 лет и продолжающая трудиться педагогом ныне, имеет звание «Отличника просвещения Российской Федерации».

Мой ответ относительно будущего средней сестры Нины предрек ей будущее «заслуженной доярки». Её мужем стал донской казак, механизатор и тракторист Николай, и первые годы совместной жизни они проживали в сельской местности Ростовской области. И Нина, действительно, работала на ферме дояркой.

Уже проживая в Тверской области, она стала заведующей фермой. Затем её избрали депутатом сельского совета и его председателем. Более 10 лет она работала главой большого сельского округа. Так что я, в свои 5—6 лет, хоть и оказался не совсем точным прогнозистом, но всё же угадал главный тренд жизненного и профессионального пути моей второй сестры.

Когда меня спросили о моём собственном будущем, я гордо заявлял о том, что буду выезжать из Спасских ворот Кремля. В этом месте все взрослые, обычно наши гости или родственники, всегда дружно смеялись и восхищались моими невесть откуда взявшимися непомерными амбициями. И так повторялось много раз.

Конечно, в конце 60-годов XX века маленькому карагандинскому мальчику трудно было предвидеть распад СССР, но этот мой прогноз всё же сбылся на все сто. В начале XXI века я проработал почти 17 лет в главных государственных офисах независимого Казахстана, президентских дворцах сначала Алматы, а затем Астаны. Из Акорды, подобия казахстанского политического Кремля, я и выходил, и выезжал.

В мою бытность на дипломатической службе и, работая в пресс-службе президента Казахстана, я несколько раз бывал на переговорах и встречах в Московском Кремле.

Более того, я, действительно, однажды входил и выходил из Спасских ворот, сопровождая делегацию казахстанских журналистов, освещавших один из саммитов, кажется, Организации договора о коллективной безопасности.

Этот курьёз хорошо известен в нашей семье и среди наших друзей. Удивительно, но, наверное, это был первый самый точный и сбывшийся мой прогноз. Вряд ли он был глубоко продуманным, осознанным и пронзительно аналитическим, но факт остаётся фактом.

Свой жизненный и профессиональный путь я определил для себя, вольно или невольно, сам и, кстати, об этом нисколько не жалею и этим горжусь.

III. Кашландия. Тренинг ума. Начало

Пока проницательный читатель будет, возможно, преодолевать недоумение от неизвестного названия загадочной страны, вынесенного мною в заголовок этой главы, я, честно признаюсь, что сам, впервые в своей жизни, набрал его на клавиатуре моего ноутбука. Что это за мифическая страна, и какое отношение имеет она к содержанию моей книги, я подробно опишу. Пока же предлагаю заострить читательское внимание на тех аспектах, важных для профессионального, будущего или настоящего, аналитика, которые я уже упомянул в своем повествовании.

Итак, о чём таком главном я уже написал, и что важно знать читателю и, прежде всего, человеку, решившемуся научиться творить занимательную, глубокую и точную аналитику?

– Всё, что связано с управлением коллективом, компанией, отраслью, сферой или государством, это, прежде всего, большая и скрупулёзная аналитическая работа.

– Аналитика – это искусство анализа, а любое искусство подразумевает, в первую очередь, творчество.

– Аналитика – это образ жизни, каркас, который держит и развивает всю систему ценностей и поведения конкретной разумной личности, каждого социума, страны, региона и мира, в целом, как живых и мыслящих организмов.

– Аналитик – профессионал пишет только правду и только о том, во что он искренне верит.

Мои воспоминания о детстве чётко определяют время начала моего осознанного интереса к политике.

Это был 1973 год, геополитически бурный и противоречивый.

Под влиянием узнаваемых из газет мировых событий я не просто стал регулярно читать периодику, которую всегда в очень большом количестве выписывали в нашей семье, и регулярно читали дед и отец. Я стал тематически собирать статьи, старательно вырезая их ножницами из газетного полотна. Собирал и складывал их в тематические папки, ранжируя по хронологии.

Первая такая папка была посвящена революции и контрреволюции в Чили, где в сентябре 1973 года произошёл государственный переворот. Свержение законно избранного президента далёкой южноамериканской страны Сальвадора Альенде и приход к власти военной хунты во главе с генералом Аугусто Пиночетом подробно и драматически описывались в советской прессе. Вся эта информация произвела на меня очень глубокое впечатление.

Едва перешагнув порог начальной школы, начав учиться в 4 классе, я тут же стал добиваться, чтобы пионерскому отряду нашего класса присвоили имя Сальвадора Альенде. В те времена все пионерские отряды, обычно назывались именами юных советских героев. Их был целый иконостас: от мученически погибших детей и подростков, например, Павлика Морозова или Зины Портновой, до молодых героев Великой Отечественной войны – Александра Матросова или Маншук Маметовой.

На слёте нашего пионерского отряда я страстно доказывал достоинство имени Сальвадора Альенде для всех советских детей и прогрессивных людей мира. И со мной не только согласились мои одноклассники, но и классный руководитель. Меня вдобавок тут же избрали председателем совета отряда, и это фактически была моя первая «должность», полученная в советской общественно-политической иерархии фактически за аналитический труд о событиях в Чили.

Летом 1973 года, когда папка о событиях в Чили росла, а военный переворот в этой стране ещё приближался к своему историческому рубежу, я создал в глубинах своего развивающегося детского разума вымышленную страну – Кашландию.

Это было придуманное мною государство кошек, которых я с детства очень сильно любил.

Уже потом, будучи постарше, я прочитал о том, что кошка – это умное, хитрое, грациозное, свободолюбивое домашнее животное – была любимицей многих исторических деятелей и политиков самых разных стран мира. Если относительно собаки, общепризнанного верного друга человека, говорят, что это было первое приручённое человеком домашнее животное, то сомнения по поводу кошки остаются и по сей день. Иными словами, нельзя однозначно сказать, кто кого приручил: человек кошку или, наоборот, кошка «прилápила» человека.

Я и сейчас люблю кошек. В то время как я пишу эти строки, мой нынешний любимец, серый британец Хиттон сидит рядом. Взобравшись на принтер, стоящий на столе возле моего компьютера, он наблюдает, как я набираю текст, заглядывая в экран и изредка пытаюсь поймать массивной серой лапой курсор, движущийся по экрану. Такой у меня первый помощник.

В 1973 году в нашем доме царствовал добротный и вальяжный кот Марсик, беспородный дворняга черно-серо-белого окраса. Он у меня стал президентом Кашландии с аристократическим именем Джордж де Марс Каудес. Согласно придуманной мною легенде, он был первым избранным президентом Кашландии, победившим на выборах ещё в 1970 году, и к тому времени правившим страной уже третий год.

Джордж де Марс Каудес был лидером Объединенной социалистической партии Кашландии, и, вполне естественно для этой своей исторической роли, проводил социальные реформы и постепенно вёл страну к социализму, но без насильственной революции и парламентским путём.

В разуме советского пионера, другого и быть не могло, Кашландия изначально была страной, избравшей социалистический путь развития.

Она сделала свой выбор на всеобщих выборах, также, как и реальная далёкая Республика Чили с её героическим президентом Сальвадором Альенде.

Взяв клетчатую, с красными полями, школьную тетрадь, я написал конституцию придуманной страны – Кашландской народно-буржуазной республики (КНБР). Кажется, именно за этим трудом меня внезапно застал мой друг Серёжа, соседский паренёк, живший неподалёку. Он тоже был младшим братом в своей семье. Наши старшие сёстры учились в одном классе и дружили.

Мы тоже подружились с Сергеем и в составе большой шумной детской компании вместе играли на улице. Я обо всём признался Серёге: о придуманной стране, её президенте, текущем моменте развития и сложной внутренней ситуации. И он заинтересовался и увлёкся этой игрой тоже.

Мою тетрадку с конституцией Кашландии у него нашла его средняя сестра, уже старшеклассница, и возразила, что народно-буржуазных государств в современном мире не бывает. Серёжа высказал свои сомнения мне. На это я, на тот момент ещё и слухом не слышавший о теории конвергенции двух систем советского академика-диссидента Андрея Сахарова, решительно отстоял свою точку зрения.

Я был убеждён в том, что именно так и должно быть в настоящем социалистическом государстве. Богатства там должны служить интересам всего народа, регулярно проводиться выборы, существовать политические партии, а свободы и права людей защищаться. Мой друг мне поверил и согласился.

Уже вместе с ним мы нарисовали карту Кашландии, состоящей из отдельных штатов, каждый из которых носил имя одной из групп многочисленного семейства кошачьих – Кашанория, Тигре, Ягуария, Пантери, Лондестан и так далее.

Сергей настоял, чтобы там была автономная территория Кролятия, для кроликов, которых его семья разводила на своём приусадебном участке. Мы обсуждали и вопрос об автономизации псов, кур и свиней, которые тоже были в домашних хозяйствах наших родителей.

Но всё же согласились с тем, чтобы государства этих пород домашней скотины должны существовать отдельно как дружественные нашему государству страны – Псярия, Гусярия и прочие. При этом мы допускали, что отдельные представители этих животных могли проживать и в Кашландии как полноправные граждане нашей свободной республики.

Поскольку нами уже были придуманы и другие страны, то мы разместили свою Кашландию на отдельном материке, назвав его Великокания.

Кстати, мои кашландские политические карты я воспроизвел по памяти и сопровождаю ими повествование этой книги о моем придуманном мире.

Так, мы создали свой мифический мир, снабдив его в последствие собственным историческим прошлым, межстрановыми противоречиями, конфликтами и структурами межгосударственного взаимодействия.

Мы придумали, что Великокания, вместившая около полусотни выдуманных стран, в прошлом подверглась колониальным притеснениям со стороны реальных Испании и Великобритании, Франции и Германии. Но к началу 70-х годов все её страны обрели независимость, существовали самостоятельно. Историческими соперниками и противниками Кашландии были Тартария, Гусярия и Пруссия. Они всегда посягали на нашу территорию, с ними в прошлом велись войны, а в настоящем – возникали конфликты и напряженности.

Названия «Тартария» и «Пруссия» я использовал, увидев аналоги, возможно, в одном из учебников по истории, либо каких-то книжек. Точно помню репродукцию средневековой карты, где этим словом была помечена срединная часть Евразии.

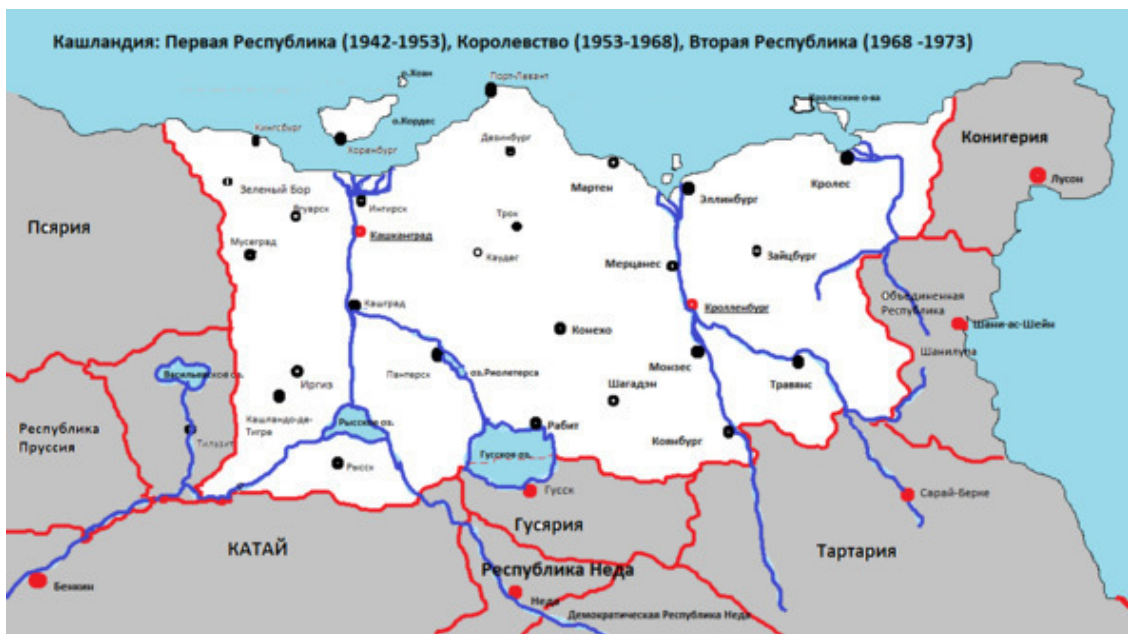
В нашем же игровом случае Тартария – это был соседний с Сергеем двор, где жила одна многодетная семья. Их дети постоянно осуществляли «набеги» на чужие огороды.

Старший их брат нами был «поставлен» во главе этого беспокойного государства как шах Иван, веривший судьбами своих соплеменников.

Гуси жили в другом соседнем дворе у одной старушки. Они шипели и вели себя агрессивно по отношению к кошкам и детям, и в этом была суть враждебной нам Гусярии. Пруссия – это территория, соседняя с нашим двором, где жила со своими детьми соседка-учительница, с которой не ладили уже мои родители. Само собой, что там был реакционный режим и военная диктатура.

Графически изображённая нами на большом листе ватмана страна очень напоминала своими контурами Советский Союз. На севере она имела протяжённое побережье, само собой разумеется, Великого Каишландского моря. Каишландия владела в нём большим островом Кордес. Сюда на север её пересекали великие реки. Главная река Ингур вытекала из Великого Рысского озера, образованного слиянием двух, бегущих из южных пустынь и гор, рек Рукос и Арун. Их названия я придумал, прочитав наоборот наименования известных карагандинских речек, соответственно, Сокур и Нура.

Долина Ингура – это ареал происхождения кашиландцев, их государственности. На берегах этой реки располагались две столицы страны: историческая – аристократический Кашанград, вокруг которого формировалась в прошлом империя, и современная – индустриальный Кашанград.

Кстати, столицу из имперского южного города Кашиград в лежащий севернее город Кашиканград перенёс уже президент – реформатор Джордж де Марс Каудес в 1971 году, завершая этим первый триумфальный год своего правления.

Знал ли я, что в 1997 году мне самому придётся стать участником реального исторического события – переноса столицы независимого Казахстана из Алматы в Акмолу?

Кстати, Кашиландия, согласно придуманной нами истории, была некогда большой страной, попавшей в зависимость от англичан где-то в XIX веке. Вплоть до 1942 года она существовала как зависимая от Великобритании монархия кашиландцев и кролятов во главе с королём Василием XIX (у многих соседей во дворах тогда были коты Васьки) из древней династии Котонов.

Все кашиландские монархи носили, как правило, это имя, только последним монархом оказался Константин I. Ну был такой соседский котёнок Костик.

Василий XIX Котон вступил на престол в начале XX века, совсем ещё юным, и попытался добиться от англичан самостоятельности хотя бы для своего двора. И первые годы его правления вошли в историю как Великая Кашиландская революция 1909 – 1925 годов. Эти шестнадцать лет вместили в себя создание первого назначаемого монархом парламента – Национальной ассамблеи, выдворение из столицы английской колониальной администрации, многочисленные забастовки рабочих, крестьянские восстания, деятельность революционных советов в крупных городах.

Однако, после окончания реальной первой мировой войны, Великобритания собралась силами и добилась фактического восстановления предшествовавшего статус-кво. Королевский двор был просто куплен колонизаторами.

Василий XIX повзрослел и стал более практичным, испугавшись того, что дальнейшее заигрывание с революционерами может лишить его навсегда трона. Популярность монарха сильно упала, и королевство Кашиландия вступило в эпоху своего исторического заката.

Однако, самым большим достижением великой революции стало создание в 1921 году Коммунистической партии Кашиландии и профсоюзов.

Они с 1925 года были официально запрещены и действовали в подполье, продолжая свою борьбу. Кроме того, возникли другие организации, выступавшие как с республиканских, так и антиколониальных позиций. В 1934 году создаётся Национальный фронт, потребовавший разрыва колониальных соглашений с Британской империей. Новым лидером борьбы за независимость стал Какуэй Грэбт. Откуда взялось это имя, я, признаться, не помню.

В 1942 году уже во время второй мировой войны, воспользовавшись отвлечением внимания колонизаторов на те глобальные события, Какуэй Грэбт в союзе с коммунистами организовал захват столицы вооружёнными отрядами Национального фронта и Компартии. Он объявил о свержении монархии и провозглашении Первой Кашиландской республики.

Сам он стал её президентом. День 23 августа, когда произошли эти события, ежегодно стали отмечать как День независимости Кашиландии.

11 лет своего правления Какуэй Грэбт эволюционировал в сторону усиления собственной власти. Он так и не провёл выборы в парламент, подвергал репрессиям противников, оправдывая это сложностью ситуации в стране перед лицом происков английских колонизаторов. Вскоре он рассорился с коммунистами, поддержавшими многочисленные забастовки, восстания рабочих и крестьян, недовольных ухудшением своим положением из-за жестких мер экономии правительства. Компартия была объявлена вне закона как мятежная организация и снова ушла в подполье.

Против первого президента Кашиландии ополчились практически все влиятельные политические силы страны и профсоюзы, создав оппозиционную Конфедерацию народа Кашиландии.

Даже собственная партия – Национальный фронт в конце концов отказала в поддержке Какуэю Грэбту, обвинив его в диктаторстве и предательстве дела революции.

В 1953 году, накануне одиннадцатого дня независимости, произошёл государственный переворот, Грэбт был свергнут и арестован.

Но ему удалось сбежать из-под ареста в соседнюю Псярию, где ему дали политическое убежище.

Это в последствие стало причиной кашиландо-псярской войны 1954 – 1955 годов, прекратившейся только после внезапной смерти, от стремительно развившегося рака, беглого кашиландского экс-президента.

23 августа 1953 года к власти в Кашиландии пришло Временное правительство, которое приняло решение о восстановлении монархии. Оно пригласило свергнутого короля Василия XIX Котона вернуться и возглавить страну.

Однако в то же время была принята первая кашиландская Конституция, ограничившая власть монарха и превратившая государство в конституционную монархию. С 1954 года в стране стали проводиться выборы в национальную ассамблею, а победившие на них партии формировали правительство.

В восстановленном королевстве Кашиландия сложилась двухпартийная система с поочередным правлением двух партий – Национального фронта, изгнавшего из своих рядов всех явных соратников свергнутого Грэбта, и Конфедеративной народной партии, созданной на базе антигрэбтовской коалиции 1953 года. Коммунисты легализовались в виде Объединённой социалистической партии во главе с молодым лидером Джорджем де Марсом Каудесом.

На первых выборах победили конфедераты, повторившие свой успех и через четыре года. В 1962 году к власти пришла партия Национального фронта, правительство которого впервые возглавила политик – женицина Мэрилин Лё Ша (по-французски le chat – кошка).

Однако в 1964 году умирает король-конформист Василий XIX, и на престол вступает его амбициозный сын – Константин I Котон (помните Костика?). Он распускает парламент и отстраняет от власти правительство Национального фронта.

На внеочередных выборах, прошедших в условиях массовых фальсификаций, абсолютное большинство мест получают конфедераты, сговорившиеся с новым королём.

Социалисты вообще не попадают в парламент, а Национальному фронту отводится лишь пару десятков депутатских кресел, так, для имитации демократии.

Константин I пытается прибрать к рукам всю полноту власти, однако эти его шаги вызывают нарастающий ропот и сопротивление элит, в том числе и в армии. Командование вооружёнными силами, в конце концов, выступает против короля и организует переворот, свергая монархию в августе 1968 года. Константина I и всю королевскую семью Котонов высылают из страны, а Кашиландия снова становится республикой.

Так началась Вторая республиканская эпоха. Революционный военный совет, целиком находящийся под влиянием действовавших в подполье коммунистов, в союзе с партиями объединённых социалистов, Национального фронта и христианских демократов (об этой партии скажу чуть позже) организует в 1969 году выборы в конституционную ассамблею. Та разрабатывает проект основного закона Кашиландской народно-буржуазной республики, на основе которого в следующем году проводятся президентские и парламентские выборы.

Вот такой была новейшая история, предшествовавшая избранию Джорджа де Марса Каудеса президентом Второй республики. Всё было логично. Кашиландия становится образцом демократии, переживает эру всеобщей эйфории. Однако проблемы нарастают как ком, и уже

к лету 1973 года непродолжительный союз социалистов и Национального фронта, составивших коалиционное правительство Джорджа де Марса Каудеса, оказывается на грани распада.

Против национализации промышленности и банков, увеличения бюджетных трат на помощь малоимущим и бедным слоям выступают теряющие власть элиты.

Национальный фронт всё более смыкается с конфедератами, проваливая одно за другим прогрессивные законы, предлагаемые президентом.

К тому же Кашиландия – многонациональное государство. Растёт тяга к независимости Кролятии, которая управлялась кашландцами с незапамятных времен. Там создаются партии и организации, требующие широкой автономии и независимости. Они объединяются в Кролятский национальный совет, который возглавляет популярный молодой генерал Кролес Бермудес.

Вообще, Кролес Бермудес – это порождение Серёжиного сознания, вовлечённого в нашу общую игру. Молодой генерал был одним из соратников Каудеса, естественно, кроликом, министром по делам Кролятии, депутатом парламента, социалистом.

Вообще круг соратников кашландского президента был внушителен. Его супругой была Серёжина кошка Муська. Это был династический брак, скреплявший нашу совместную игру. Когда эта кошачья особа что-то набедакурит, мама Сергея, простая и добрая украинская женищина, кричала: «Ну, тварь, Муська! А ну, брысь!». Поэтому имя супруги главы кашландского государства возникло само собой – Таури Мартинес Мисс Муся Каудес.

Она у нас была министром обороны за невероятную способность гонять мышей, ловить на лету воробьёв и, тем самым, накрепко охранять внешние границы от любых посягательств.

Единственная дочь Джорджа и Таури тоже была известным политиком-социалистом с абсолютно аристократическим именем – Мария Эстелла Мартинес де Каудес.

Тут следует отметить, что в 1973 году на выборах в реальной Аргентине победил генерал Хуан Перон, а его супруга Исабель Перон была избрана вице-президентом. Полное её имя было Мария Эстелла Мартинес де Перон.

Через год, после скоростной смерти супруга Перона, она стала первой в истории всего мира женщиной-президентом.

И хотя через два года в 1976 году её свергли военные, она осталась заметной фигурой в истории.

Зная эти реальные события, я, обворожённый необычностью имени аргентинского президента, позаимствовал его в своей детской игре.

В Кашиландии Мария Эстелла Мартинес де Каудес была председателем парламента, а вскоре стала и первой во всем мире президентом – кошкой. И это тоже было задолго до известного голливудского блокбастера XXI века.

Высшее окружение кашландского президента включало генералитет, тот самый, который сверг и выслал из страны зарвавшегося короля Константина Единственного.

Министром внутренних дел был генерал Алек Ониос С'Орк, который в 1968 году считался номинальным председателем Революционного совета, совершившего переворот против монархии. Его двоюродный брат, абсолютно гражданский человек и профессор, по имени Миол Миос С'Орк, ведал внешней политикой.

Заместителем председателя кабинета министров (главой правительства по конституции считался сам президент) был генерал Метерелио Августин Сонсалвиш, командовавший в дни августовской революции 1968 года столичным гарнизоном, захватившим королевский дворец. Начальником штаба армии был генерал Эту ди Ли Пазии, который в прошлом, при короле, дослужился до командующего военно-воздушными силами страны. Министром юсти-

ции и права стал полковник Карвалью Вилиозу, или товарищ Карвалью, любимец самых левых и левацких групп в кашландской революции.

Внимание именно на этих политических персонах я останавливаю потому, что в дальнейшем они сыграли важную роль в придуманной мною Кашландии.

Кстати, потом, уже после возвращения страны от социализма к демократии, кашландские историки, основываясь на реальных фактах засилья военной верхушки в политическом истеблишменте Кашканграда, станут называть время социалистических экспериментов Каудеса и его приёмников, «эпохой правления генералов».

В реальности за каждым этим персонажем нашей детской игры стоял какой-нибудь кот, бродивший по окрестным просторам прилегающих кирзаводских дворов и улиц. Впрочем, в развивающийся политический процесс в Кашландии были вовлечены и другие домашние существа.

Например, престарелый наш пёс-дворянка Трезор стал Марселином Триззо, генеральным секретарем Объединенной социалистической партии. Наша последующая собака – низкорослая дворняжка Мальчик, была лидером Христианско-демократической партии Кашландии с именем Малт Йотпен Йоргенсен. Партия христианских демократов находилась в тесном союзе с объединёнными социалистами. По легенде её лидер был очень хорошим экономистом, поэтому впоследствии даже стал главой правительства.

Кстати, в Кашландии во времена правления Джорджа де Марса Каудеса резко обострились межконфессиональные отношения. Дело в том, что религией большинства кашландцев был марсизм (не путать с марксизмом!), то есть монотеистическая вера в бога Марса. Однако времена колониализма способствовали распространению в стране и других религий.

Например, на западе страны в исторической области Лесия значительное число населения исповедовало католическое христианство. В Восточной Пруссии (о ней расскажу позже) жили, в основном, православные христиане. На юге, в Лондестане, было сильно влияние мусульманского вероучения. У кроликов, соответственно, была своя религия, и они поклонялись Великому Кролу.

В августе 1973 года был убит прямо во время мессы в соборе католический кардинал Карло Винценти. Враги кашландской революции намеревались вызвать этим подлым преступлением межрелигиозные столкновения.

Недовольство населения бывшей столицы – консервативно-аристократического Кашканграда привело, в конце концов, к вооружённому мятежу в этом городе. Начались настоящие бои мятежников с правительственными войсками за каждый квартал и район города.

Президент Каудес проявил решительность, и армия его поддержала. Две традиционные партии – Национальный фронт и Конфедеративная, перешедшие в оппозицию к президенту, были объявлены вне закона, как пособники мятежников. Контрреволюция получила достойный отпор.

Однако правительство Каудеса оказалось практически тут же перед лицом новой угрозы. В сентябре 1973 года Кролятский Национальный совет во главе с Кролесом Бермудесом выступает с требованием полной независимости этой части республики...

В реальности же всё было гораздо проще.

7 октября 1973 года друг Серёжа пришёл и сказал мне такие слова. На два наших двора приходится две взрослые особи кошачьей породы и три котёнка, родившихся у Муськи, то есть всего 5 животных. Кроликов же в два раза больше.

В клетках сарая во дворе у Серёги находилось в тот момент более десятка кролей, крольчих и крольчат. Поэтому, сказал друг, Кролятия должна стать отдельным государством и управляться своим президентом – Кролесом Бермудесом.

Он убеждал, что обе страны будут продолжать строить социализм, будут партнёрами и союзниками, добрыми соседями. При этом добавил, мол, как СССР и Болгария, либо ГДР и Польша.

В моем мозгу эта ситуация прокрутилась мгновенно. Мне не хотелось ссориться с другом, и я согласился.

Мы расстелили на полу лист ватмана – карту Кашландской народно-буржуазной республики и стали проводить линию раздела.

Серёжа сказал, что поскольку кроликов больше, то и Кролятии должна отойти большая часть территории нашей общей страны. Я снова не возражал.

Мгновенный анализ возникшей непредвиденной ситуации показывал, что президент Каудес не может противопоставить этой проблеме практически ничего.

В стране раздраз, только что подавлен контрреволюционный мятеж, трудности со снабжением продуктами питания, масса недовольных. Борьба за власть обернулась предательством бывших политических попутчиков.

К тому же, только что притихший всплеск межрелигиозного конфликта мог смениться столкновениями между кашландцами и кролятицами. В этих условиях ему власть однозначно не сохранить, а дела революции – не продолжить.

К тому же грядущий распад государства давал ему шанс выстроить новую систему властных отношений, укрепить собственную власть, разработать новую конституцию и обустроить, наконец, Кашландию так, как это было бы, по его мнению, наиболее эффективно.

Территориальный раздел прошёл практически без споров. Я только хотел оставить за Кашландией полуостров Дейзия с Порт-Ливаном, где была главная база всего кашландского военного флота.

Но друг упрямовствовал, и я предложил такой обмен. Я забираю весь флот перевожу его в другой портовый город, а Кролятии отходят земли – весь полуостров Дейзия, восточная половина острова Кордес, а также все северо-восточное побережье бывшей единой страны до самого устья реки Ингир.

От такой моей щедрости кролятский переговорщик устоять не мог и тут же согласился.

7 октября мы оба провозгласили появление своих, теперь уже отдельных, стран. В Кроленбурге, столице отделившейся страны, родилась Кролятская народная республика (КНР). Такое официальное имя выбрал ей сам Серёжа.

В Кашканграде Джордж де Марс Каудес с балкона президентского дворца заявил о рождении Кашландской демократической республики (КДР) и начале полноценной социалистической революции в стране.

День 7 октября стал датой Великой Октябрьской социалистической революции, но только в Кашландии. Вымысел почти совпал с историей и реальностью.

Действие прежней конституции отменялось, вместо неё был принят временный Конституционный акт. Прежний парламент, за вычетом депутатов запрещённых партий нацфронтовцев и конфедератов, становился Конституционным и Законодательным Собранием. Оно должно было разработать и принять новую Конституцию. Так родилась Третья республика в Кашландии.

К лету реального 1974 года обстановка в выдуманной стране уже, естественно, эволюционировала и революционировала вместе с тем, как развивался мир настоящий.

Этот год был особенно щедр на неординарные международные события: революция гвоздик в Португалии, конфликт на Кипре и раздел острова на две части, свержение диктатуры чёрных полковников в Греции и многое другое. Даже имена кашландских политиков отражали эту связь между реальностью и выдуманным миром. Они воспроизводились от фамилий реальных исторических героев и антигероев того интересного времени.

Джордж де Марс Каудес стабилизировал свою власть. Он написал и опубликовал свою самую важную программную работу – книгу «Путь Кашландии к социализму». В ней было изложено его видение развития страны как союза свободных социалистических республик. Под сотканное лекало подгонялась и работа Конституционной комиссии.

Тем временем, Сергей, который был на два года старше меня, постепенно отходил от нашей общей игры. Его интересовали уже другие реальные жизненные темы. Наши взаимоотношения, а мы учились в разных школах, постепенно сокращались по времени и объёму.

Но у меня был друг детства – Павлик, до самого сегодняшнего дня остающийся мне искреннем товарищем и даже ставший мне фактическим братом.

Мы были одноклассниками, нас почти одновременно произвели на свет наши родители, первые шесть лет нашего детства жившие по соседству, через забор, на улице Тургенева. Когда моя семья обзавелась собственным домом, мы переехали в другую часть нашего посёлка.

Поэтому мы пошли с ним в разные школы. Но рядом с семьёй Пашки продолжали жить мои дедушка и бабушка. У них я бывал очень часто, и наша дружба с Павликом продолжилась, став по-настоящему братством на всю нашу жизнь.

Он был дружком на моей свадьбе. Я помогал через год женить его. Наши дети считают себя двоюродными сестрой и братом. Он поддерживал меня, когда я хоронил своих родителей, я был рядом в дни, когда провожали в последний путь его родных.

Сейчас семья моего друга живёт в Калининграде. Мы часто навещаем друг друга, общаемся практически каждый день в социальных сетях. Наверное, о нашей дружбе стоит написать отдельную повесть, и я обязательно этим когда-нибудь займусь, дай-то Бог.

Удивительно, но Павлика и его жизненное пространство в своей кашландской игре я пророчески назвал Восточной Пруссией.

И сейчас он с семьёй и внуками живёт там, где эта историческая область Европы когда-то существовала – в Калининградской области России.

В Восточной Пруссии, возникшей в моём воображаемом мире, правила Коммунистическая партия во главе с президентом Джулио Кодерани. Это был Пашкин пёс Жулька.

Соседняя реакционная Западная Пруссия собиралась захватить эту страну при поддержке империалистов со всего мира.

Поэтому руководство в Тильзите, а это была восточно-прусская столица, обратилось за помощью к Кашландии, изъявив желание объединить две страны.

В марте 1974 года договор об объединении двух стран был подписан. Восточная Пруссия стала одним из штатов Кашландии, территория которой сразу же увеличилась, а население возросло после вероломного ухода Кролятиш. Кстати, в договоре указывалось, что новый штат сохраняет широкую автономию, в нём применяется местный язык, традиции, православная религия. На его территории не могут действовать общекашландские партии. Даже пост президента этого внутреннего государства был сохранён, чего в других штатах, конечно же, не было. Договор об объединении провозглашался неотъемлемой частью Конституции Кашландии, и должен быть включён в неё при разработке.

Я нарисовал новую карту КДР, и её увидел зашедший как-то в гости Сергей. Он посмотрел на неё и сказал, что категорически против аннексии чужой территории. Кашландия вместе с Восточной Пруссией была снова равна его Кролятской Народной Республике. В кашландо-кролятских отношениях начинался кризис, который неминуемо вёл к военному конфликту.

Кролятия очень тяжело переживала этап становления своей независимости. Против Кролеса Бермудеса, её первого президента, выступали все большие партии и сил. Он, в свою очередь, с ними тоже не церемонился.

Разрыв общей экономики сильнее ударил по сельскохозяйственной Крoлятии. У неё не было полноценной армии, а флот Серёжа отдал мне за территории.

К тому же новая страна осталась один на один с враждебными соседними Тартарией и Гусярией, не прекращавших вероломные агрессивные набеги на братьев-кроликов. Однако в этих странах вскоре происходят революционные выступления вооруженных сил.

Шахский режим кровавого Ивана I в Тартарии и королевская власть в Гусьярии в 1974 году почти одновременно были свергнуты. Гусьярия сразу стала республикой, а в Тартарии понадобился ещё один военный переворот в следующем 1975 году, чтобы страна обрела республиканский строй и встала на путь демократии.

Руководство КНР, а в моей виртуальной игре это была Краляйтская Народная Республика, занимало всё более кашландофобские позиции. В Порт-Ливане, главном городе и порту полуострова Дейзия, в конце мая 1974 года вспыхнуло восстание местных жителей. Потом уже стали широко известны факты о военной помощи восставшим со стороны правительства Кашландии, до поры до времени не вмешивавшейся во внутренние дела соседней страны.

Кролленбург в ответ разорвал дипотношения с Каишканградом, обвинив президента Каудеса в поддержке сепаратизма. Двусторонние нападки накалились до предела, а в некоторых районах на совместной границе даже произошли взаимные артобстрелы и рукопашные стычки.

Тогда военно-морской флот КДР заблокировал всё побережье Кролятиш, в том числе и полуостров Дейзия. Это было сделано для того, чтобы не допустить переброску кролятских отрядов на подавление повстанческого движения в Порт-Ливане.

Кролятия объявила всеобщую мобилизацию, обратившись в Федерацию Объединенных Наций Великокании (да, такая структура существовала на нашем континенте).

Однако делегация КДР при поддержке союзников – Псярской Народно-Демократической Республики, Социалистической Северо-Испанской Республики, Социалистической Республики Рофараоза, Народной Республики Конигерия, Демократической Республики Западный Рим, Социалистической Республики Бунжсервурдский Союз, Народной Республики Бенгалия, других принципиальных и честных стран, не допустила принятия каких-либо осуждающих Каишканград международных резолюций. ФОН только призвала стороны к сдержанности и переговорам.

Однако маховик войны был запущен.

«Свободный Порт-Ливан», только что самопровозглашённая территория, обратилась к президенту Каудесу принять её в состав демократической Каишландии. Призыв был услышан. Военную операцию против Кролятии возглавил новый министр обороны генерал Эту ди Ли Пазии, заменивший на этом посту скончавшуюся буквально накануне супругу президента КДР Таури Мартинес Мисс Муся Каудес.

Здесь хотелось бы отметить, что выдуманный мир Каишландии не был обделён различного рода конспирологическими теориями. Поэтому очень скоропостижный уход в мир иной жены президента связывали с разладом в семье, в том числе и по вопросу об отношениях с независимой Кролятией. Не стоит забывать, что Таури Мисс Муся была всё-таки Серёжской кошкой. Тем не менее её с почётом похоронили, а её именем назвали главный город штата Лесия – Мусеград.

6 июня 1974 года на северном участке каишландо-кролятской границы начались военные действия. Ударами двух сухопутных армий вооружённые силы Каишландии сломали sporadическое сопротивление наспех собранных и плохо оснащённых кролятских отрядов, выйдя к побережью Великого Каишландского моря. Полуостров Дейзия был отрезан от основной части КНР.

Одновременно каишландские морские десанты захватили ключевые порты полуострова, а также восточной части острова Кордес. Эскадра военных кораблей КДР блокировала устье реки Зайка, на которой чуть южнее располагалась столица КНР город Кролленбург. Всего за две недели военных действий война Кролятией была вчистую проиграна.

Вся история этого конфликта была в цвете нарисована мною на специальной отдельной карте, которая назвалась «Военный конфликт КДР и КНР (6 – 22 июня 1974 года). Там же были указаны те территории, отвоёванные героями генерала Эту ди Ли Пазии, который в последствие стал маршалом и президентом страны.

Каудес обратился к Кролесу Бермудесу с предложением о заключении договора о мире и государственной границе между КДР и КНР. Он предложил провести переговоры в приграничном каишландском городе Трок. Кролленбург вынужден был согласиться на это, как и на все требования Каишканграда.

По Троксскому договору, заключённому в июле 1974 года полуостров Дейзия, Порт-Ливан, всё устье реки Ингир с прилегающими территориями и восточная часть острова Кордес отошли к Каишландии. Южный участок совместной границы двух стран был определен по срединной линии реки Пантери. Она вытекала из Гусского озера на юге и впадала в великую реку Ингир в центральной части Каишландии, а в её устье располагался имперский Каишград.

Короткая, но масштабная война с Кролятией завершилась огромным территориальным приобретением Каишканграда. Знай об этом Серёга всего полгода назад, он бы ни за что не согласился разменять флот на обширные земли.

Стороны договорились о восстановлении дипломатических отношений друг с другом, а Каишландия добродушно отказалась от требования выплаты контрибуции проигравшим противником. Тем не менее, эти события отравили двусторонние отношения, которые

несколько десятилетий были холодными и формальными. Но так обе нации привыкли жить отдельно друг от друга.

1974 год стал апогеем и, одновременно, финалом яркого президентства Джорджа де Марса Каудеса. Расширение страны после вынужденного развода с Кролятией, победа в военном конфликте стремительно и прочно укрепили его власть и авторитет. Теперь ему было важно завершить создание социалистической страны, эдакого образца для подражания всему континенту Великоканиши.

Но история бывает непредсказуемо вертлявой и беспощадной. О том, что произошло далее я расскажу в следующей главе.

События в ирреальной Кашландии, как можно видеть, во многом отражали моё личное восприятие мировых событий того интересного времени. Восприятие не взрослое, основанное на широких и прочных знаниях, а по наитию и простому детскому интересу. И я не заметил, как потом, это любопытство переросло в мою профессию.

Символично, что главные сюжеты этой моей детской игры, неизвестно как, но предвосхищали многие события реальной мировой истории рубежа XX и XXI веков. Ну, например, разве трудный развод между Кашландией и Кролятией не был похож на то, что мы все пережили 18 лет спустя при драме развала Советского Союза в начале 90-х годов предыдущего века?

В реальной жизни я продолжал собирать папки с вырезками из газет. Так появились сборники «Кипр», «Греция», «Революция гвоздик. Португалия», «Индокитай», «Испания после Франко», «Китай после Мао». А далее более объёмными стали папки об исламской революции в Иране, гражданской войне в Ливане, саурской революции в Афганистане вкупе с советским вторжением в эту страну, падении режима Пол Пота в Кампучии (Камбодже) и многие другие.

Уже потом, когда я начал работать в администрации президента, то обнаружил, что в нашем аналитическом центре была целая комната, где с начала 90-х годов собирались вырезки из газет и ксерокопии журнальных статей по той или иной политической или геополитической тематике.

Мне это было уже знакомо, и я с удовольствием сформировал ещё несколько папок по тем вопросам, которыми мне суждено было заниматься уже на государственной службе.

Замечу, что это было ещё пред интернетовская эпоха конца 90-х годов прошлого века. Этот архив, несколько десятков коробок, мы бережно перевезли из Алматы в Астану. Наши коллеги из других отделов сильно ворчали, помогая нам разгружать поздним ноябрьским вечером 1997 года этот бесценный груз.

Потом он хранился в отдельной комнате в первом здании администрации президента в правобережной части Акмолы/Астаны, переехал в построенную на Левом берегу Акорду. Заведовала им одна из сотрудниц, проработавшая в администрации главы государства многие годы до самой пенсии.

К сожалению, потом развитие компьютерных технологий на рабочем месте государственного аналитика, превращало в анахронизм этот бумажный архив. Его стали кромсать, уничтожать по частям, сокращать объёмы выделяемых для него помещений. Всё это, конечно же, можно было оцифровать, но никому до этого дела не было. В конце концов, и саму хранилищу архива захотели просто сократить или уволить за три года до выхода на пенсию.

Помню, она пришла ко мне и жаловалась, что её ставка кому-то понадобилась, и от неё требуют написать заявление о переводе в какое-то архивное учреждение. Мы работали уже в разных отделах, и я посоветовал ей не делать этого, обещал переговорить со своим начальником, что и сделал почти сразу же. Её оставили в покое, по крайней мере, обещали не трогать и дать доработать до выхода на пенсию.

Работая на государство и общаясь с аналитиками других стран, я узнал, что в ряде серьёзных аналитических центров, например США, есть практика специальных деловых игр.

В них создаётся иллюзорная геополитическая или политическая ситуация, очень приближенная к реальности или её попросту имитирующая.

Там придумываются названия стран, партий, имена их лидеров, президентов и премьер-министров.

Каждому игроку отводится определенная роль, требующая каких-то прогнозов и выводов, действий и решений. И такие игры, уже затем в реальности, помогают специалистам вырабатывать аналитические схемы, тренируют мозг аналитика, настаивая его на работу в онлайн режиме в условиях форс-мажорных проблем и вопросов.

Всё это очень похоже на то, что творил я в своем детстве и отрочестве, не забросив такие умозрительные упражнения и в юности, и в зрелые годы. Поэтому «игра в Кашландию» до сих пор сопровождает меня. Я иногда думаю об этом, когда долго не могу уснуть, когда просто надо переключиться с тематики одного реального дела на другое, когда чувствую приступы или намёки какой-либо растерянности и сомнений. И это помогает.

Со своей Кашландией я, можно сказать, иду по своему жизненному пути. И эта детская игра, взрослая и расширяясь, продолжает развиваться вместе со мной. Ну а теперь, когда я о ней написал, она уже никуда не исчезнет, не уйдет вместе со мной, останется жить в книге.

В реальной жизни наша дружба с Сергеем постепенно завершилась. Наши жизненные пути не совпадали, у нас были разные школы, дружеские компании, интересы. Но всегда, когда мы где-нибудь случайно встречались, то тепло здоровались, перекидывались парой фраз, спрашивали о родных и друзьях, желали друг другу всего хорошего и удачи.

Много лет спустя, уже работая дипломатом в Москве, я случайно наткнулся на Серёжину страничку на сайте Одноклассники.Ру, поставил лайк его фото. Он ответил, и мы переписывались, поговорили по телефону. У Сергея была семья. Он и его родные уехали в украинский Днепрпетровск, ныне город Днепр. Он был бизнесменом и вёл какие-то дела в Казахстане, часто бывал, по рассказам, в Караганде.

Своим непродолжительным общением мы свели вместе и наших старших сестёр. Они пообщались тоже, повспоминали своё детство и юность.

Я очень надеюсь, что Сергей, по-прежнему, жив и здоров. Я очень благодарен ему за годы нашей совместной неординарной игры и дружеское общение. Пусть всё у него будет хорошо.

IV. Отрочество аналитика

Осенью 1974 года наш кот Марсик внезапно пропал. Ладно, если бы это было весной, мы бы поняли инстинкты домашнего питомца, поскольку он мог несколько дней не появляться, а вернувшись, целыми сутками спать, восстанавливая силы, истраченные по зову природы.

Мама сказала, что, наверное, его сбила машина...

Мне ничего не оставалось делать, как написать некролог о внезапной и ужасной гибели в автомобильной катастрофе президента Джорджа де Марса Каудеса, кортеж которого спешил в столицу из загородной резиденции в президентский дворец.

В Каишландии был объявлен траур. Согласно временной конституции страны, президентские полномочия перешли к его дочери Марии Эстелле Мартинес де Каудес, занимавшей в то время пост спикера Законодательного собрания и непосредственно руководившей разработкой проекта нового основного закона страны. Она стала временным президентом Каишландской демократической республики. Реальным же прообразом этого виртуального политика стала кошка-подросток, которую мы приютили после того, как не дождались возвращения Марсика. В частном доме без кошки было нельзя.

Поскольку процесс разработки нового государственного устройства ещё не был завершён, каишландский парламент учредил Временное правительство.

На него была возложена вся полнота исполнительной власти. Его председателем стал генерал Метерелио Августин Сонсалвиш, который, итак, фактически руководил министрами при Каудесе.

На важный пост председателя Законодательного собрания был избран популярный герой «кролятской войны», другой генерал Эту ди Ли Пазии.

Таким образом, во властной иерархии Каишканграда утвердился некий временный баланс: правительство возглавил левоцентристский, а парламент – правоцентристский политик, оба из числа военных революционеров. Это стало прологом их будущей схватки за реальную власть.

В вымышленной Каишландии аспект межличностного соперничества лидеров я также принимал во внимание. Наверное, такой подход я почерпнул уже в детском возрасте, приобщившись слушать по ночам «Голос Америки» и Пекинское радио тех лет. В Казахстане они принимались практически без помех. В редакционных комментариях «вражеских голосов» подробно перемалывались кости советской элите, особенно, в части того, кто из ареопага Политбюро ЦК КПСС с кем и каким образом соперничает, кто кого подсиживает.

Таким образом мой опыт будущего аналитика пополнялся методикой работы с разными источниками информации. В обычной жизни я, как и все советские дети, ходил в школу, был активным пионером, участником агитбригады, которая выступала перед трудовыми коллективами близлежащих предприятий. В этой ипостаси я, конечно же, нисколько не сомневался в верности курса партии и советского правительства.

В середине 70-х годов прошлого века на советском телевидении среди большого числа программ для детей и юношества была одна популярная телеигра «Один за всех и все за одного». В ней состязались два отряда пионеров. Игра снималась в городском Дворце пионеров на большой площадке, на полу которой была размечена железнодорожная колея с различными станциями.

Поочередно представители соперничавших команд кидали большой, набитый ватой куб. На его шести гранях были обозначены цифры от одного до шести. От того, какая выпадала цифра, столько ходов могла сделать команда, участвующая в игре.

По пути были обозначены станции, каждой из которых соответствовал набор определенных заданий, которые должны были выполнить участники игры. Успешно выполняя их, вагончик команды продвигался по игровому полю.

Например, на станции «Пионерская» предлагались состязания в том, кто быстрее соберёт палатку, покажет больше способов разведения костра. На станции «Международная» надо было ответить на вопросы, касающиеся внешней политики СССР. На станции «Спортивная» команды состязались в ловкости и силе. Те, кто выполнял задание лучше, оставались на завоёванной позиции, а проигравшая команда отступала на предыдущий рубеж. Выигрывал тот пионерский отряд, который первым придёт к финалу игры, обозначенному на поле.

Эта игра была популярна у советских детей, она выходила регулярно. Мы с удовольствием её смотрели и старались не пропускать эфира, болели и переживали за понравившуюся команду.

Осенью 1975 года на карагандинском областном телевидении решили тоже снять такую же передачу. Нашему «6А» классу, пионерскому отряду имени Сальвадора Альенде, выпала честь принять участие в игре. Мы тщательно готовились и достойно играли с соперниками из другой карагандинской школы. Капитаном команды был я.

В ходе одного из раундов игры, прибыв на станцию «Международная», ведущий телепередачи предложил назвать как можно больше важных мировых событий 1975 года. На этот вопрос гордо отвечал я. Мой соперник перечислил то, что знал он, сказав и о том, что это был год начала подготовки к XXV съезду КПСС (состоялся в феврале 1976 года).

Когда очередь дошла до меня, я ответил так:

– Самым важным международным событием 1975 года стало проведение в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. На нём были окончательно подведены итоги Второй мировой войны, обозначена нерушимость государственных границ в Европе, подписан Хельсинкский акт.

И тут же продолжил:

– Вторым по важности – был совместный полёт в космос советских космонавтов и американских астронавтов «Союз – Аполлон». Это укрепляет разрядку международной напряжённости.

Победа в раунде была за нами, хотя, в целом, игру мы с минимальным счётом проиграли.

Вспоминаю этот эпизод по такой причине. В том далеком 1975 году мне, советскому пионеру, конечно же было невдомёк, что через 35 лет на земле Казахстана состоится саммит Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, пока единственный в XXI столетии.

И мне, одному из аналитиков администрации и спичрайтеру главы казахстанского государства, доведётся решающим образом участвовать в работе над проектами выступлений первого президента Казахстана на этом форуме. Такие вот перипетии моей судьбы.

Первый опыт соприкосновения с масс-медиа оказался для меня тоже удачным. Месяца два после этого эфира, когда я возвращался домой со школы, дорогу мне перегородили несколько подростков-хулиганов постарше меня. Обычно в таких случаях могли побить, а дело было зимним сумеречным вечером, отобрать сдачу, оставшуюся от денег на школьный обед или какие-то личные вещи. Такое случалось.

Прижав меня к забору, один из подростков, которые явно были из соседней школы, стал требовать от меня деньги. Но в этот момент другой, которого я сразу же определил вожаком этой стайки, вдруг сказал:

– Погодите! Я знаю этого пацана! Я видел его по телевизору. Он был капитаном команды, отстаивал честь нашего Кирзавода. Отстаньте от него. Иди, пацан, домой!

Друзья его подчинились приказу старшака. Вот так впервые я ощутил на собственной шкуре жизненную силу советского и вообще глобального телевидения.

1975 год был сложным.

Непростым он оказался и в моей воображаемой Каиландии.

В феврале, побыв всего три с небольшим месяца временным президентом, скоропостижно умирает Мария Эстелла Мартинес де Каудес. К сожалению, не прижилась у нас долго кошка Маиа.

Временным президентом провозглашается генерал Эту ди Ли Пазии как председатель парламента КДР. Глава Временного правительства генерал Метерелио Сонсалвиши укрепляет свою власть, проводит реформы, завершает национализацию частных предприятий, аграрные преобразования, ликвидировавшие засилье латифундистов. Всё это делается и подаётся как продолжение курса Джорджа де Марса Каудеса, личность которого мифологизируется и превращается в знамя социалистических перемен в Каиландии.

Товарищ Сонсалвиши становится необычайно популярным лидером, «Каудесом сегодня». Он декларирует создание единой партии всех каиландских трудящихся, как этого, якобы, хотел первый народный президент страны. Оставшиеся две легальные партии социалистов и христианских демократов создают объединённый комитет по подготовке учредительного съезда будущей единственной правящей партии.

К середине года в руководстве страной складываются две соперничающие между собой группировки. Одна во главе с премьером Временного правительства Сонсалвишем, другая – вокруг Временного президента Эту ди Ли Пазии. Партийная верхушка тяготеет к первой, военное командование – ко второй.

Однако в армейских кругах складывается левая группировка молодых офицеров среднего звена во главе с полковником Карвалью. Она готова поддержать главу правительства. Поэтому временный президент начинает играть на опережение. Как Верховный главнокомандующий Временный президент генерал Эту ди Ли Пазии увольняет в отставку полковника Карвалью и всех сочувствующих ему офицеров. Это мотивируется их политической деятельностью, что не совместимо с воинской службой.

Временное правительство выступает категорически против, поскольку увольнение командиров должно согласовываться с ним.

Объединённый комитет социалистов и христианских демократов поддерживает Сонсалвиша, называя действия временного главы государства превышением его полномочий, ведущим к диктатуре.

Эту ди Ли Пазии издает указ о роспуске Временного правительства, а команда его личной охраны арестовывает Сонсалвиша. Полковник Карвалью в ответ, скрывшись от ареста, мобилизует на защиту Временного правительства воинские части и рабочих столичных предприятий. Этими силами они освобождают членов Временного правительства и готовы свергнуть президента.

В этой ситуации угрозы кровопролития сыграла важную роль позиция двоюродных братьев – министра обороны генерала Алека Ониоса С'Орка и председателя Законодательного собрания Миола Миоса С'Орка.

Первый приказал войскам вернуться в казармы, второй – уговорил партийных лидеров утихомирить общественность. Они оба стали посредниками между Временным президентом и Временным правительством. В результате эмоциональных двухдневных переговоров конфликтующие стороны пришли к соглашению.

Высшее руководство согласилось восстановить статус-кво. Эту ди Ли Пазии оставался Временным президентом, но лишился полномочий Верховного главнокомандующего.

Уволенные офицеры восстанавливались на службе, но им запрещалось выражать свою политическую позицию, создавать политические организации и группы. Временное правительство продолжало работу, а его глава Метерелио Сонсалвиши становился председателем Объединённого комитета социалистов и христианских демократов.

Участники переговоров обсудили и одобрили проект новой конституции Кашиландии. Они договорились вынести его на обсуждение Законодательного собрания с расчётом окончательно принять не позднее конца января 1976 года и сформировать на его основе новые органы государственной власти.

Так, в ходе «ноябрьского инцидента», генерал Сонсалвиши значительно укрепил свои позиции. Это открывало ему путь к высшей власти в новой республике, которую предстояло сформировать на основе новой Конституции. В то же время сформировалась новая группировка «братьев С`Орк», с которой теперь однозначно вынуждены были считаться и «левые», и «правые».

Генерал Эту ди Ли Пазиши признал свою ошибку, получив гарантии непереследования и своего дальнейшего участия в высшем управлении государства.

Кстати, Метерелио Августиньо Сонсалвиши – это наш новый абсолютно рыжий кот, которого уже взрослым принёс из старого Карагандинского аэропорта мой отец, работавший там водителем заправщика самолётов. Васька, так его звали на самом деле, тут же принялся отвоёвывать жизненный ареал и завоёвывать благосклонность кошачьей братии в бесконечных стычках и драках с местными особями. Вскоре он пришёл домой с проломленным носом, на нём никогда не заживали раны. Он был настоящим кошачьим мачо и «Че», истинным «животным-революционером». В силу этого и его кошачья жизнь оказалась недолговечна. Он вскоре заболел, издохнув дома. У кошек, как говорится, хоть и семь жизней, но первая очень коротка.

Это, собственно, и обозначало новый акт исторической драмы в моей вымышленной Кашиландии.

Конечно, детская игра в несуществующую страну не занимала всей моей жизни. Я успешно учился, ходил в спортивные секции, занимался по очереди бегом, плаванием, конькобежным спортом.

Преуспевал и в общественной жизни. В 1978 году меня избрали секретарем комсомольской организации школы. На этом поприще я организовывал собрания, проявлял подростковую строптивость, обострённое чувство юношеской справедливости. Не чужды мне были и обыкновенные шалости школьника.

Помню, был такой случай. В классе, полном старых парт с откидными крышками (тот, кто постарше, должен помнить этот антиквариат), мы, школьники, томились в ожидании учителя. Не помню, кто именно из мальчишек, поддел ударом ноги крышку парты, и она захлопнулась с пронзительным шумом.

Все на мгновение замолкли, а потом такие хлопки стали раздаваться со всех рядов парт, поочереди и одновременно. Причем не только парни, но и девчонки стали соревноваться в том, чей удар и хлопок окажется звонче. Но вошедшая в классную комнату классный руководитель, учитель русского языка и литературы Валентина Марковна застала за этим занятием только меня и моего школьного друга Артура.

Она вывела нас перед всем классом. Под хихиканье одноклассников она сказала, что мы совершили гнусный поступок, разрушая имущество школы. Такие как мы, продолжала она, на прошлой неделе в городском парке разбили рогатками (это такое самодельное приспособление для стрельбы камешками по мелким целям) только что установленные на центральной аллее фонари. Мы с Артуром всё ниже опускали головы. Нам было стыдно.

Подонков, продолжала учительница, нашли, и они со своими родителями, понесли наказание. Хихиканья одноклассников прекратились, и нам становилось страшно.

Мудрая учительница объясняла всё спокойно и твёрдо, придумав нам такое наказание. Мы должны были собственноручно покрасить все парты в классной комнате. От души отлегалось...

Более того, нам с Артуром нужно было написать дома сочинение «Почему я поступил как последний подонок» и зачитать его на следующий день перед одноклассниками. Причём за эту нашу работу она поставит оценки как за домашнее сочинение на вольную тему. Мы с Артуром кивнули головами и молча сели за свои парты.

Следующей день стал временем нашей Голгофы. Артур прочитал первым, его сочинение уместилось на двух тетрадных страницах.

Он полностью согласился с учительской оценкой нашего поступка, попутно осудив вандалов из городского парка. Попросив прощения за содеянное, он обещал, что больше так делать не будет.

Моё сочинение заняло несколько листов в отдельной тетради. Я признался, что совершил необдуманное и постыдное деяние, посягнул на целостность социалистической собственности, наплевал в душу всем изготовителям советских парт, поставщикам этой продукции, учителям и ученикам всей школы. Но при этом, я не могу считать себя подонком.

Далее я привёл определение этого слова, взятое из библиотечного толкового словаря, доказав, что моё действие, хоть и отвратительно по своей природе, но всё же не совпадает с его общепринятым толкованием.

Я приводил примеры из русской классики о том, кого можно, действительно, считать подонком, а кто просто был оступившимся человеком, который затем горько раскаивался в своём поступке. В моём сочинении не было попыток оправдать себя, я стремился к постижению объективности в оценке поступка моего и моего друга Артура. Я тоже написал, что делать так больше не буду и запомню этот урок на всю жизнь.

И я его, конечно же запомнил. Вспомнил о нём и в зале скорого и секретного суда надо мной через сорок лет. Выступая с заключительным словом, стоя в наручниках в железной клетке, обращаясь к судье, я частично признал свою вину. Понимая всю политическую подоплёку ведущегося тогда против меня уголовного дела, я должен был просто сохранить себя для моей семьи.

Артур получил за своё сочинение, после проверки текста учителем, оценку «4/4». Мне Валентина Марковна поставила «4/5» (первая оценка касалась грамматической грамотности – была у меня одна пометка, связанная с непоставленной, где нужно, запятой; вторая оценка была за содержание работы).

Сорок лет спустя, меня осудили на 4 года условного срока и выпустили из под стражи прямо в зале суда.

Это было поражение моих преследователей и завистников, с трудом «придумавших» в ходе следствия факты «собираения государственных секретов», тяжкого, согласно Уголовного кодекса, преступления. Однако следователи так и не нашли доказательств разглашения мною государственных тайн.

В результате процессуального соглашения я получил условный срок, а мои преследователи – возможность хоть на время сохранить «честь мундира». Но, увы, не надолго, только на пять последующих лет до январских событий 2022 года в Казахстане.

Меня никогда не оставляла вера в торжество справедливости, убеждённости в том, что истинными объективными судьями человеческих поступков являются Бог и Время. Так оно и происходит сейчас, в том числе и с моим нашумевшим делом.

V. Юность мечты

В начале этой главы вновь заостряю внимание на самые важные аспекты предыдущего текста, которые могут быть полезны, как начинающему, так и опытному профессиональному аналитику, развивающему свой потенциал.

Как уже заметили читатели, добравшиеся до этой страницы, я делаю это в виде своеобразной памятки, которую можно было бы держать всегда на рабочем столе или мысленно перед глазами перед началом каждой новой работы или исследования.

- Реальность и вымысел в исследовании любых процессов и действий всегда соседствуют рядом, поэтому мысленно конструируя возможные варианты решений, предельно важно уметь отделять действительное от мнимого.

- Объективность в работе аналитика достигается скрупулёзной проверкой фактов и использованием нескольких разных источников. – Аналитику важно научиться складировать факты, касающиеся какого-либо процесса, уметь их обобщать, выделять главное и отсеивать «аналитический мусор».

- Аналитик должен знать, что истинными объективными судьями исторического процесса, политических действий и человеческих поступков являются только Бог и Время, а сам аналитик лишь может дать свой, всё-таки субъективный, взгляд на исследуемые вещи. – Аналитик должен всегда оперировать общепринятыми понятиями, соблюдать законы, даже предлагая их изменить, учитывать сложившиеся традиции, нормы страны и общества при исследовании процессов в них.

- Девиз каждого профессионального аналитика: «НЕ НАВРЕДИ!»

Школьные годы летели быстро, день за днём, четверть за четвертью, год за годом...

Юность моя, как пели тогда в песне, была комсомольской. И это была хорошая ступень для старта во взрослую жизнь.

Лично для меня это стало и решительной подготовкой к моей последующей деятельности, как политической, так профессионально-аналитической.

Этими годами юности я, без всякого лукавства, горжусь. Хотя у меня нет ностальгии по ним, своё комсомольское прошлое я не идеализирую, не плачу по нему, отношусь к нему как неотъемлемой части своего жизненного пути. Что было, то прошло, и прошлого не вернуть, потому как история сослагательного наклонения не приемлет.

Вместе с учёбой и общественной работой я не бросал своё увлечение моей виртуальной Кашландией. Мы оставили её в прошлой главе на перепутье.

Перед своим внезапным недугом и скорой смертью председатель Временного правительства Метерелио Августин Сонсалвиш успевает добиться принятия новой конституции.

По ней страна становится Социалистической Федеративной Республикой Кашландия (СФРК), состоящей из пяти социалистических республик – Кашанорской, Леской, Юго-Канской, Кордесской и Восточной Пруссии. По форме это напоминало реальную тогда, но бывшую уже сейчас, Югославию или Чехословакию, историей и политической жизнью которых я в тот период сильно интересовался. Чтобы этот созданный конгломерат не распался в будущем, его скрепой становится единственная политическая партия страны – Партия трудящихся Кашландии.

Высшим органом власти становилось Верховное Федеральное собрание, которое избирало президента, формировало совет министров СФРК. Возникает и живёт, как в последствие трактуют пережитые события кашландские историки, Четвёртая республика.

Рыжий кот Васька умер.

Сним безвременно погиб пламенный революционер и романтик Метерелио Августиньо Сонсальви.

Это случилось накануне первой сессии Верховного Федерального собрания СФРК в мае 1976 года. Политический пасьянс нового руководства моей выдуманной страны мне пришлось выстраивать заново.

Президентом становится, опять-таки, генерал Алек Ониос С'Орк, сыгравший важную роль в событиях «ноябрьского инцидента», когда «расцарапались» между собой временный президент Эту ди Ли Пазии и председатель Временного правительства Метерелио Сонсалви.

В СФРК президент одновременно возглавляет парламент как председатель президиума Верховного Федерального собрания, но при этом контролирует всех силовиков как главнокомандующий вооруженными силами федерации.

Председателем Совета Министров СФРК избирается Малт Йотпен Йоргенсен как бывший лидер слитых в новую правящую партию христианских демократов. Партийным руководителем в ранге первого секретаря Партии трудящихся Кашиландии избирается двоюродный брат главы государства Миол Миос С'Орк.

Утратившему власть бывшему временному президенту генералу Эту ди Ли Пазишу отходит пост министра обороны и в довесок присваивается звание маршала СФРК.

Ещё один видный деятель каишландской революции Карвалью Вилиозу соглашается на добровольную ссылку и едет управлять Кордесской социалистической республикой, единственной островной территории федерации. Он получает звание генерала в отставке, и ему ещё только предстоит сыграть важную реформаторскую роль в будущей каишландской истории.

Такой баланс власти в Каишландии существует несколько лет, страна развивается стабильно, проводятся съезды партии трудящихся, выдвигаются и достигаются планы, директивы экономического развития.

Скучность такого течения событий в Каишландии побуждает меня обратиться к соседней стране – Кролятии. Тем более что Серёжа то её, наверняка, забросил. Там история начинает бурлить.

Кролятская народная республика идёт по пути почти неуправляемой демократии, что ставит её на грань гражданской войны. В результате внутренней политической борьбы отца независимости генерала Кролеса Бермудеса убивают террористы, обвинив в тирании. Незадолго до этого многие его бывшие соратники, перешедшие в оппозицию, создают коалицию – Революционное демократическое движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.